

Конан
и Ужас
Кладов

КОНАН И УЖАС КЛАДОВ

Annotation

Отряд Ночной Стражи выступает против демона Чёрной Бездны, вызванного по неосторожности 164 года назад герцогом Райдора, интересовавшимся магией, и через каждые 41 год приносящего смерть нескольким десяткам жителей герцогства.

Произведение входит в цикл «Ночная Стража»

«Северо-Запад Пресс», «АСТ», 2007, том 128 «Конан и ужас Кхарии»

Керк Монро. Ужас Кхарии (роман), стр. 5-172

- [Керк Монро](#)

- [Глава первая](#)
  - [Глава вторая](#)
  - [Глава третья](#)
  - [Глава четвертая](#)
  - [Глава пятая](#)
-

Керк Монро

Ужас Кхарии

Глава первая

В которой удивительное чудовище неожиданно нападает на замок герцога Райдорского

*Британия, герцогство Райдор,
лето 1285 года по основании Аквилонии*

Известно, что любой владыка стран Заката, от великого государя, до захолустнейшего, по состоятельного графа, считает обязательным правилом содержать при дворе мага. Достаточно вспомнить короля Страбонуса {Софийского и его союз с колдуном Алой Башни Тсота-Ланти, придворного волшебника короля Нимеда господина Гуарда, Альминареса из Корда вы, взятого под покровительство зингарским повелителем Фердруго и еще весьма многих чародеев, не считающих зазорным помогать королям в их многотрудной деятельности.

Великий герцог Райдорский исключением не являлся — в его замке обитал удивительный человек, коего ошибочно называли «магом». Это в глаза, а заглазно месьор Аделард именовался куда более неприглядно: «шарлатан», «алхимик-недоучка», а то и просто «безумец». Увы, к этому были свои причины.

Никому не известно, почему герцог решил приютить старика, действительно бывшего отчасти не в себе — светлейший, как владетель обширной и очень богатой провинции, серебряных рудников в Граскаале и Кезанкии, вполне мог нанять самого настоящего мага, последователя одного из колдовских конclaveов. На выбор: в Коринфии обосновался Орден Золотого Лотоса, бессменно руководимый знаменитым Пелиасом, маги-равновесники держали кафедру в Бельверусе, а если бы герцогу потребовались услуги Тёмных чародеев — орден Белой Руки совсем рядом, в Гиперборее, за горами. Однако, к Райдорскому двору приился никому не известный сморчок, за последние годы превратившийся в общее посмешище.

...Маги, принадлежащие к Великим Конclaveам, тайным силам Белого, Алого и Чёрного, всегда предпочитают орденские облачения и символику. Каждому известны чёрные с золотом облачения колдунов Стигии с вышитым изображением раздувшейся капюшон кобры на груди. Но поскольку месьор Аделард настоящего магического образования никогда не получал (причем, весьма гордился тем, что «постиг тайны волшебства» самостоятельно) и ни в единственный Орден не входил (в Райдоре, кстати, полагали, что его оттуда выгнали бы уже на следующий день), одевался придворный чародей весьма своеобразно, полагая, что именно так и должен выглядеть настоящий волшебник, а не какой-то там высокочка наподобие Тот-Амана. Конан, впервые увидев Аделарда несколько седмиц назад, едва со смеху не помер — такие забавные наряды можно было встретить, разве что у площадных шутов.

Представим себе худенького низкорослого старичка с бородой клочьями, блеклыми, вечно слезящимися глазками и взглядом с явно прослеживающимся безумием, одетого в длиннющую синюю мантию украшенную таинственными символами и островерхий колпак со звездочкой. В результате многочисленных и чаще всего неудачных магических опытов мантия была прожжена во многих местах и как следствие обладала добрым десятком заплаток, на подоле красовались разноцветные пятна от пролитых декоктов и отваров. Еще

Аделард предпочитал таскать с собой пару дюжин разнообразных амулетов, правая рука всегда сжимала деревянный посох с навершием в виде вырезанного из желтой яшмы солнечного диска Митры, а туфли предпочитал туранские, мягкие, с острыми носами. Недоброжелатели уверяли, что перепутать герцогского мага с шутом его светлости — проще простого.

Облик Аделарда целиком и полностью соответствовал его «лаборатории», как гордо именовалась небольшая пристройка во дворе замка, где алхимик устраивал свои подозрительные опыты. Надо заметить, что рядом с крошечным флигелем всегда стояли наполненные дождевой водой бочки — на случай, если месьор Аделард вновь задумает учинить пожар или в лаборатории прогремит очередной взрыв.

Внутри можно было увидеть бесконечные ряды колб и реторт, выставленных на длинных столах, огромную коллекцию самых удивительных вещей, от вполне стоящих магических предметов созданных настоящими колдунами, до крайне подозрительных шарлатанских оберегов, черепа чудовищ (Аделарду их исправно поставляла Ночная Страж), под потолком висели скверно выполненные чучела неизвестных и чрезвычайно противных с виду тварей, булькали в сосудах мерзкие жидкости, шипел атанор, сверкали хрустальные шары. Пахло в лаборатории так, что вонь самого грязного хлева показалась бы божественным ароматом.

Отдельный стол занимали сваленные неопрятной грудой книги и свитки (справедливости ради надо сказать, что здесь имелось и несколько ценных древних рукописей). Сам Аделард, явно решив войти в историю и оставить свое бесценное наследие потомкам, исписал несколько томов помпезно именуя собственные сочинения «результатами исследований и философскими размышлениями». В качестве довершающего картину штриха необходимо упомянуть, что маг содержал обязательного черного кота — раскормленную жирную тварь с золотой цепочкой на шее. Мышей и крыс, портивших пергаменты, котище ловить отказывался, только зловеще шипел на редких посетителей, жрал да спал.

Словом, очутись в обиталище месьора Аделарда любой серьезный волшебник, с ним непременно случился бы удар или того хуже — он попросту скончался бы от смеха, что для мага считается смертью недостойной.

Аделард, выдающимся колдовским талантом не обремененный, предпочитал так называемую «предметную магию» — использовал силу чужих материалов и магических декоктов, отыскивая рецепты изготовления таковых в старинных книгах.

К чести старика надо сказать, что в его коллекции не было ни единого волшебного предмета созданного с использованием Черной магии — он предпочитал считать себя приверженцем Света, хотя, по большому счету, не мог внятно растолковать чем отличается Свет, к примеру, от Равновесия.

Иногда последствия опытов месьора Аделарда не ограничивались одним лишь вонючим дымом и рассыпающимисяискрами. Случались более крупные неприятности — не столь давно маг только чудом не спалил замок, попытавшись создать феникса, волшебную огненную птицу. Нечто похожее у него получилось, да только это была вовсе не птица, а обычный сгусток пламени, который с шумом вылетел из окна флигеля и поджег дровяной сарай. Потушили с трудом.

Тем не менее особой вредоносностью старик не отличался, его терпели, а герцог даже одаривал Аделарда недурными суммами в серебре, чтобы пожилой алхимик мог покупать для своей лаборатории новые колдовские предметы и книги. Пользы от «придворного мага» никакой не было, но его светлость твердо решил, что Райдор ничуть не хуже бритуйской

столицы и без собственного волшебника не обойтись — соседи засмеют.

Единственным человеком, открыто враждовавшим с месьором Аделардом являлся грозный Атрог из Гайарны, Охранитель Короны, как в здешнем захолустье именовалась должность начальника тайной службы. Казалось бы, зачем в отдаленном герцогстве, зажатом между безлюдными лесами Полуденной Бритунии, Кезанкским и Граскаальским горами учреждать секретное ведомство — каких таких заговорщиков можно поймать в дремучих чащобах Райдора? Однако, не все так просто.

Господин Атрог отвечал за каторжные рудники, где добывали серебро, а заодно оберегал владения светлейшего от опасностей, исходящих со стороны Гипербореи и Пограничного королевства — набеги с Полуночи и Полуночного Заката были столь же привычным злом, как затяжные осенние дожди или оползни в горах. Кроме того, в этом малообжитом уголке Закатного материка хватало и других угроз: сохранившаяся едва ли не со времен Кхарии нечисть не давала подданным герцога жить спокойно. И в таких случаях тайная служба Райдора действовала в сотрудничестве с гильдией Ночной Стражи — настоящих знатоков темной магии и потусторонних сил.

Прежде всего Атрог ценил в людях серьезность, а на Ночную Стражу можно было положиться в самой затруднительной ситуации. Эта знаменитая гильдия была основана еще во времена королей Алькоя и Олайета, первых государей, создавших новые королевства на развалинах Кхарийской империи. Законы Ночных Охотников предписывали уничтожать всех опасных для человека магических существ и противодействовать возрождению темного волшебства древности — Пифон оставил после себя долгую и не самую добрую память, с тех времен прошло больше тысячи зим, однако доселе в лесах Полуночи скрывались таящие угрозу древние капища, а по буреломам бродили невиданные монстры.

Атрог прекрасно понимал, что если произойдет нечто непредвиденное и скверное, от «придворного мага» помочь ожидать не придется. Совсем недавно, на границе Бритунии и Немедии случилась изрядная заваруха — отыскался некий древнейший предмет, и без помощи знающего колдуна обойтись было невозможно. К кому обращаться? К Аделарду что ли? Разумеется, первым делом Атрог направился в дом охотников, зная, что они придумают как выкрутиться!

Выкрутились, причем весьма оригинальным способом. Благодаря старинным знакомствам Конана Киммерийца досточтимые Охотники обратились к одному из магов Черного Круга Стигии (да-да, не удивляйтесь!), колдун согласился помочь совершенно бесплатно (и снова обойдемся без ошеломленных возгласов...), трудности были разрешены всего за два дня. Месьор Аделард в подобной ситуации только развел бы руками и с чванливым видом удалился в свою лабораторию — великому волшебнику недосуг заниматься всякими глупостями!

Получалось, что в Райдорском замке короны обитал никчемнейший шарлатан, бездумно растратающий денежки светлейшего на свои дурацкие развлечения. Месьор Атрог, оценивающий людей по степени их полезности для герцогства, ничего подобного терпеть решительно не желал. Охранитель неоднократно пытался уговорить его милость изгнать склонного и вредного старишку, но герцог оставался непреклонен — пусть себе живет, не следует обращать внимания на полуумного. И потом: орденский маг при дворе потребует куда более значительных расходов!

Невероятно, но умный, вдумчивый и серьезный глава тайной службы совершенно под детскими глазами видел «болвана в колпаке», и отдавал часть своего драгоценного времени

интригам против Аделарда, алхимик же старательно поддерживал открытую вражду и пакостил по мелочи, еще больше раздражая Атрога.

Ночная Стража блюла строгий нейтралитет, пользуясь уважением обеих сторон — Охотникам могли пригодиться магические предметы из беспорядочного, но обширного собрания месьора Аделарда, а Охранитель Короны полагал, что ссориться с Гвайнардом, Конаном и компанией из-за придурочного алхимика — себя не уважать.

Конан, посмеиваясь, именовал конфликт между престарелым магом и Охранителем «невинными провинциальными интрижками» — многоопытный киммериец, в прежние времена служивший при самых блестательных королевских дворах Заката и Восхода, знал о чем говорил. Отдаленность Райдора от кипучей жизни великих столиц варвару нравилась — по крайней мере здесь глава тайной службы не отправит к колдуну наемных убийц, а последний не станет превращать в пепел башню замка вместе с месьором Атрогом только потому, что Охранитель косо на него посмотрел...

Люди в захолустье честнее и прямее. Это Конану всегда было по душе.

* * *

Итак, несколько седмиц назад изрядно поиздергавшийся Конан приился к небольшому отряду Ночных Стражей, более известных на материке Заката под наименованием «Охотников на чудовищ». Гильдия известная, почетная, уважаемая как народом, так и дворянством — от короля до захудалого барончика из глухой провинции. Работы — непочатый край, благо полуночные дебри доселе полны монстрами, подлежащими незамедлительному истреблению по причине пакостного характера, скверного облика и гнусных повадок, из которых людоедство — далеко не самое худшая...

Ватага была небольшой — всего лишь четыре человека, включая Конана. Точнее, три человека и броллайхэн. Эйнар лишь носил человеческий облик, в действительности являясь воплощенным Духом Природы, владевшим Алой Магией Равновесия. Водительствовал над отрядом Гвайнард из Гандерланда — младший и ненаследный сын гандерского барона, почувствовавший вкус к тяжкому ремеслу Ночной Стражи и с успехом трудившийся на этом неблагодарном поприще уже девять зим. Асгерд из Нордхейма — высокая, светловолосая и решительная девица — была великолепной лучницей и билась сразу на двух клинках, что вызывало у Конана искреннее уважение к бравой соратнице: раньше киммериец полагал, что подобного совершенства во владении оружием могут достичь только легендарные амazonки.

В Райдоре охотники владели домом, стоящим на Волчьей улице, причем этот дом, купленный в складчину, более походил на усадьбу состоятельного купца: конюшня, сараи, громадный сеновал, погреба. Домоправительницей — вернее, домоправителями, — Гвайнард взял двух стариков, родителей одного из погибших прошлой весной охотников. Жили богато, и это Конану тоже нравилось. За опасное ремесло Ночной Страже платили много и охотно, любой дворянин, купец или зажиточный кмет отвалит сколь угодно много звонких серебряшек, а то и золотых ауреев Немедии, за избавление от поселившегося пажальнике вурдалака или этеркапа, устроившего засаду на лесной тропинке!

Приближалась осень, Конан уже начинал подумывать о том, что вскоре придется

сниматься из ставшего привычным и почти родным Райдора, и отправляться дальше на Закат — киммериец собирался в Аквилонию. Точнее, не в саму Аквилонию, а на границу с Пущей Пиктов, где Пуантенский герцог Троцеро собирал наемную армию ради отражения угрозы со стороны Пущи.

Только вот бросать Ночную Стражу ужасно не хотелось! Почему? Да хотя бы потому, что они отличные ребята. Конан чувствовал себя в Райдоре отлично, почти как в позабытом доме отца в Киммерии. И все равно, неугомонный характер варвара гнал его вперед, дальше, к новым дорогам и новым впечатлениям. Туда, где он найдет предназначенный ему трон — давнее предсказание, в которое киммериец искренне верил, гласило, что однажды, еще до своего сорокалетия, варвар «подберет на дороге никому ненужную корону, от которой откажутся самые знатные и могущественные». Смешнее всего было то, что эта корона должна принадлежать не каким-то дурацким Агиде или Хорайе, а «великому королевству». А какие королевства у нас самые великие? Верно: Немедия, Аквилония и Зингара!

«Зингара, скорее всего, отпадает, — решил Конан, с истинно варварской pragmatичностью размышляя о возможных видах на трон. — Фердруго очень стар, но у него есть наследница, Чабела. Все-таки принцесса моя старая подруга и будет нечестно лишать ее законного наследственного венца! Эх, славно мы с ней почудили три зимы назад, когда искали Корону Кобры! Немедия? Исключено! У короля Нимеда четыре сына и уйма племянников. Аквилония... А что Аквилония? Наиболее богатая и могучая держава Заката! У короля Нумедиса нет детей, кстати... Но, по-моему, проще достать лупу с неба, чем стать аквилонским королем! Скажите на милость, кто возьмет в короли варвара?»

Однако, киммерийцу недавно стукнуло целых тридцать шесть зим — всякий нормальный человек, будь он хоть варварам, хоть самым образованным дворянином в такие годы обладает женой и выводком детишек, остепеняется и начинает мирно подходить к той черте, которая именуется нехорошим словом «старость». Ладно, подождем еще четыре зимы, а там поглядим! Но ведь пророчество... Настоящее пророчество, а не гадание на косточках в придорожном кабаке! Таким пророчествам нельзя не верить!

Конана неудержимо тянуло на Закат. Врожденный инстинкт варвара, охотника со склонов хмурых гор Киммерии, упрямо твердил: там, там на берегах Черной реки ты найдешь то, что искал всю жизнь! Пускай тебе, не хочется уезжать из Райдора, пускай Гвайнард и остальные обидятся, пусть нехорошо бросать людей, ставших почти родными... Но там, на Закате, возле серых туманных дебрей Пиктской Пущи, ты отыщешь след! След, который приведет тебя к никому не нужной и брошенной на дороге короне. К мечте.

«Вот что, — твердо сказал сам себе Конан. — Решим так: сначала я отыщу человека, способного заменить меня в отряде Гвайнарда, а уж потом извинюсь и уйду. Человека, которому смогу довериться. Лучше бы им оказался воин примерно моих лет, с хорошим боевым опытом. За магию в отряде отвечает Эйнар и отчасти наши приятели-упыри во главе с Рэльгонном, Гвай командует, Асгерд отлично управляет с луком и клинками, но она все-таки женщина... Нужен крепкий мужик, способный как отмахнуть мечом, так и добротно соображать — в нашем деле без умной головы никак, сложишься в первом же бою! Только где такого взять, вот вопрос? В отряды Ночной. Стражи первого попавшегося па дороге бойца не берут... Впрочем, меня ведь взяли?

— Ты ведь не только здоровенный громила? — зазвучал в голове насмешливый голос Асгерд. Киммериец вздохнул, и перевернулся на другой бок, застеленная мягкими волчьими шкурами широкая скамья заскрипела. — Ты, Конан, еще и умный...

Умный... И хитрый, между прочим! Упомянуть забыла?

— Не забыла, — голос верной соратницы исчезать не желал. — Кто в наши времена говорит на восьми языках, пишет аквилонскими и зингарскими буквами, знает рунический алфавит? А твои познания в магии?

Спятила? Я не маг! Вот еще придумала!

— Зато ты знаешь, как с магией обращаться!

Врезал топором по черепу — и нет никакой магии!

— Но...

— Отцепись! — уже вслух сказал окончательно проснувшийся киммериец. Слева, на противоположной лавке, заворочался Эйнар:

— Никто к тебе не цеплялся!

— Я не тебе...

— А кому? Пышногрудая красавица привиделась? Она цеплялась? И чего ты ждал, спрашивается?

— Повторяю: отцепись, — снова вздохнул варвар, сел на постели, нагнулся и начал искать сапоги. Было еще совсем темно, рассвет только нарождался. — Дрыхни пока, бездельник. Пойду на двор...

— Попутного ветра, — промычал Эйнар и снова захрапел.

Конан, уяснив, что спать больше абсолютно не хочется, оделся, тихонько прошел через «Арсенал», как называлась увешанная оружием главная комната дома, отбросил засов и выбрался на крыльцо. Самый таинственный час, когда ночь уходит, а утро пока не настало — зыбкая сине-серебристая полутьма, струйки тумана, в отдалении сонно гавкает дворовый пес...

Со стороны конюшни донесся едва слышный привизг — лошади никогда не издают подобных звуков. Понятно, любимый питомец учゅял хозяина, придется накормить и приласкать.

Гнедой стоял в отдельных яслях, подальше от охотничих лошадок. Загородку на всякий случай обили полосками металла, ради лишней безопасности. Признавал Гнедой только Конана, единственного человека, способного обуздать буйный нрав хищника в лошадином обличье — сартака, зверя, вполне способного померяться силами с могучими болотными ящерами, привычными медведями райдорских лесов, а то и с львами пустынь Стигии.

По виду — красивый породистый жеребец. Сущность же необыкновенная: скрывающиеся мягкими конскими губами клычиши и зачатки настоящего разума. Удивительное существо, а Конан всегда любил все удивительное — потому и оставил зверя себе.

Сартак, как и любые хищники, был вооружен впечатляющим арсеналом клыков которые пускал в ход при любом столкновении с противником, будь то человек или монстр. Еще Гнедой умел подражать человеческой речи, предпочитая использовать почерпнутые от Конана нехорошие словечки, тихонько стоять в засаде, когда потребуется, самостоятельно атаковать врага по первому приказу хозяина, мог различать своих и чужих. К последним он тоже относился скверно, но Охотников не трогал — понимал, что влетит от Конана. Варвар называл Гнедого не иначе как «ездовой монстр», но в целом был доволен неожиданным приобретеньицем — чудовище, это или нет, но сартак был верным товарищем. Одна беда, вместо овса и сена Гнедой предпочитал мясо. Причем свежее — не далее как пятнадцать дней назад он задрал в конюшне постоянного двора ослика, устроив кровавое пиршество на

его останках. От насмерть перепуганного владельца злосчастной ослятины Конан едва откупился.

— Одни убытки от тебя, — недовольно проворчал киммериец, отправляя в кормушку нарезанную с вечера баранину. — Каждый день мяса на пять серебряных шеллинов съедаешь!

Гнедой взглянул на хозяина благосклонно и изрек в ответ такое словечко, что Конан поморщился. Слишком болтлив стал Гнедой, посторонние люди удивляются — надо же, говорящий конь!

— Гулять поедем после рассвета, когда городские ворота откроют, — известил варвар зубастого любимца. Сартак не должен застаиваться в конюшне, каждый день изволь проходить с ним не меньше десятка лиг. — Набил брюхо? Вот и жди теперь...

— Дер-рьмо Нер-ргала, — уверенно прорычал Гнедой. Остальные охотники, между прочим вечно над Конаном подтрунивали — мол, зачем учишь лошадку всяkim непотребствам?

Варвар вдруг насторожился — сартак ругался последними словами только когда чувствовал опасность. Запомнил, что хозяин извергает самую черную брань во время сражения или охоты за чересчур шустрым монстром и перенял привычку Конана.

— Что стряслось? — киммериец уставился на Гнедого и машинально нашупал амулет Ночной Стражи иод рубахой. Медальон в виде волчьей головы становился холодным как лед и начинал вздрогивать, если неподалеку использовалась черная магия или появлялось живое (или не-живое) существо порожденное чарами Тьмы.

Сартак ударил копытом об пол и нехорошо заурчал. Амулет, однако, вел себя спокойно — только чуть заметно стукнул в грудь Конана.

Киммериец вышел наружу и огляделся. Обычные лошади и дворовая собака не беспокоятся, они учゅали бы нечисть. Да и о какой демонической силе можно говорить на самом рассвете? Небо над далекими зубчиками Кезанкийских гор начало окрашиваться в золотисто-оранжевые цвета, хотя на Закате еще сияли звезды.

Внимание Конана привлек неясный багровый свет, исходивший со стороны замка короны. Варвар поднял взгляд и обомлел. Даже отступил на шаг назад от неожиданности.

Вокруг единственной башни резиденции великого герцога летал... летала... летало нечто.

На первый взгляд это была здоровенная птица или летучая мышь, размером самое меньшее с теленка. Киммериец различил тихие щелчки — любой воин моментально поймет, что слышит звук арбалетных тетив. В бойницах замка мелькали желтые точки факелов, похоже там объявили тревогу.

— Ничего себе дела, — пробормотал Конан, увидев, как крылатая тень скользнула выше, к самому флагштоку над башней, а затем извергла струю темно-красного пламени, лизнувшую гранитные блоки. Неизвестное летучее чудище плавно описало круг, затем повторило атаку.

— Поднимайтесь быстро! — заорал киммериец стрелой влетев в дом. — Гва-ай! Сюда!

Месьор Гвайнард выскочил на крыльцо в одном исподнем, протер глаза и коротко спросил:

— Что?

— Только погляди на это... — Конан указал в сторону замка.

Некоторое время Гвай молчал, с обалдевшим видом наблюдая за порхающим над

Райдором существом и, наконец, выдавил:

— Дракон? Да быть такого не может! Их давным-давно истребили!

— Не всех, — сквозь зубы процедил Конан. — Однако, по-моему, это не дракон...

Крылья чересчур узкие и длинные. Кроме того, зверь слишком маленький для дракона!

— Разберемся, — ввернул любимое словечко Гвайнард. — Седлай лошадей, мы сейчас оденемся!

Менее квадранса спустя бравая четверка охотников, пустив скакунов в галоп, пронеслась через весь город к подножию скалы. Чудовища теперь не было видно — скорее всего, улетело.

— К Охранителю Короны! — рявкнул Гвайнард на десятника стражи, пытавшегося заступить дорогу. — Распорядись, чтобы присмотрели за лошадьми!

— Как прикажете ваша милость, — буркнул десятник. — Только во-он того гнедого сами привяжите, слухи о нем по городу ходят недобрые...

— Конан, займись! Догонишь!

* * *

Выглядел месьор Атрог взъерошено. Надо полагать, Охранителя самым грубым манером подняли с постели и обрадовали новостью: на замок напало неведомое чудо.

— Уже хотел за вами посыпать, — не здороваясь сказал Атрог, когда Ночные Стражи ввалились в его кабинет. — Кажется, это дело по вашей части.

— Известно, что произошло? — осведомился Гвайнард.

— Доклады стражи очень сбивчивые, но приблизительную картину составить можно. Как только отбили пятый полуночный колокол, часовые на башне услышали глухой удар, вспыхнул красноватый огонь, а потом над замком появилось это существо...

— Точное описание твари есть? — подал голос Конан. — Она летала очень близко, ее можно было рассмотреть.

— Сами понимаете, люди испугались, запаниковали, начали палить в это... гм... животное из самострелов и луков. Все сходятся в одном: оно напоминало дракона или летучую мышь.

— Невероятно подробные сведения, — саркастично ответил Гвайнард. — Конан вот утверждает примерно то же самое, хотя находился в четверги лиги от замка! Хорошо, я лично поговорю с гвардейцами охранявшими стену. Убитые есть?

— Двоих слегка обожгло, больше никаких потерь. Перед самым вашим прибытием существо улетело в сторону Полуночи... Мне не нравится эта история, уважаемые месьоры и милая дама. Очень не нравится! Беритесь за работу.

— Уже взялись, — проворчал Гвайнард. — Асгерд, поднимемся па башню, осмотрим повреждения если они есть. Конан, Эйнар, опросите стражу и всех, кто хоть что-нибудь видел... Потом соберемся здесь и устроим маленький совет — что делать дальше? Дракон, это, знаете ли, не шутки...

Результаты оказались весьма плачевными. Никто из гвардейцев герцога не сумел объяснить, откуда взялась тварь, и как именно выглядела. Одни уверяли, что монстр походил

на крылатую ящерицу с черной чешуей, другим примерещилась морда нетопыря-гиганта с «пылающими глазами», трети с жаром убеждали охотников, будто чудище было двоеглавым, пускай ничего похожего в природе не существовало. Камни донжона оказались подкопчены, но не оплавлены — настоящий дракон, как известно, способен расплавить даже гранит. Лица двух гвардейцев, не вовремя высунувшихся в бойницу, оказались обожжены до волдырей, но жизням доблестных стражей решительно ничего не угрожало — ожог пройдет за седмицу.

Киммериец сразу предложил Эйнару нанести визит месьору Аделарду, но был решительно остановлен: почтенный алхимик наверняка изволит почивать, все ученые люди привыкли спать до полудня...

В конце концов, маг никуда не денется, поговорить можно позднее.

Внимательный Атрог, не взирая на неприятные утренние события, распорядился принести в свои покой завтрак на пятерых и нетерпеливо выслушал первые, крайне скучные, выкладки Гвайнарда и Конана. Потом лишь руками развел.

— Ничего не понимаю, — заявил Охранитель Короны. — Мороком, призраком, это быть не могло, остались следы огня... Насколько я понимаю, версия с гигантской летучей мышью тоже отпадает?

— Совершенно справедливо, ваша милость, — мрачно отозвался Гвай. — Нетопыри, будь они огромными или крошечными, не способны изрыгать пламя.

— Надеюсь, это не ваши приятели-упыри из Рудны развлекались? — подозрительно спросил Атрог. — Я по-прежнему им не слишком доверяю.

— Исключено, — твердо сказал Гвай. — Рэльгонн никогда не позволит себя подобные... гм... забавы!

...Речь зашла о самопровозглашенном эрле замка Рудна, что находился в нескольких десятках лигах к Полуночи от столицы герцогства. В действительности Рэльгонн не был никаким эрлом (просто он сам себя так называл...) и жил в недоступных людям подвалах разрушенной крепости, которую уже много столетий полагал своей безраздельной собственностью. Это удивительное создание к человеческому роду не имело решительно никакого отношения — Рэльгонн являлся вампиrom. Да не простым вампиrom, а каттаканом, то есть живым существом из плоти и крови, в коем не было ничего демонического, как, например, в гулях иранистанских гор.

История появления месьора Рэльгонна на Закатном материке была крайне запутана. Несколько тысяч зим назад на северные области континента рухнула гигантская Небесная Гора. Случившийся в момент катастрофы огромный выброс тепла рі магической силы привел к появлению Врат Миров — порталов ведущих в чужие миры, которые, как утверждал сам Рэльгонн, могут находиться на непредставимом расстоянии от Хайбории, возле чужих звезд. Один портал открылся в Универсум, который населяли каттаканы, и Рэльгонн вместе с несколькими родственниками решил поглядеть, что же находится по ту сторону Врат.

Оказавшиеся в Хайбории каттаканы обследовали незнакомый мир, подивились на населявших его удивительных существ, наподобие людей, гномов или альбов и засобирались было обратно, да вот незадача — портал внезапно захлопнулся и Рэльгонн вместе с дядей и братом оказались навсегда отрезанными от своего дома. Вновь привести в действие Врата Миров каттаканам не удалось, пускай их цивилизация стократно превосходила все разумные расы Хайбории в большинстве областей знаний.

Уяснив, что покинуть чужой для них мир каттаканы не могут, Рэльгонн вместе с

сородичами приспособился к жизни во владениях непонятных тварей, именовавших себя «людьми», а поскольку гости из чужой Вселенной были весьма и весьма долгоживущими (пускай и не бессмертными, как элентари или броллайхэн), каттаканы ужасно скучали. Кроме того, они были настолько чужды людям, что немногочисленное семейство Рэльгонна моментально заслужило жуткую репутацию упырей и вампиров... В значительной степени это было справедливо — каттаканы действительно пили кровь человека и животных, что было необходимо им для выживания.

Конан отлично знал, что старый вампир уже много зим помогает ватаге Ночной Стражи в многотрудном ремесле охоты на настоящих монстров и, похоже, получает от этого удовольствие — каттакан, с его врожденными магическими умениями, холодным логическим разумом и способностью «прыгать через Ничто» был незаменимым помощником охотников. Одна беда: Рэльгонн мог действовать исключительно ночью, поскольку лучи хайборийского солнца обжигали его белоснежную кожу. Кроме того каттаканы не переносили яркий дневной свет — в их мире светило было маленьким и холодным.

Рудненские упыри клятвенно пообещали Ночной Страже, что безобразничать в Райдоре они никогда не станут, равно как и откажутся от употребления человеческой крови — будет вполне достаточно крови диких животных, — после чего и было заключено удивительное соглашение между людьми и вампирами. Рэльгонн помогает охотникам чем может, а они в свою очередь закроют глаза на устав гильдии и не будут считать каттаканов подлежащими истреблению «чудовищами». С тех пор необычный союз приносил только добрые плоды — упыри с их невероятными способностями стали почти полноправными членами отряда Гвайнарда и вполне заслужили награду от Совета гильдии. Так что господин Атрог подозревал Рэльгонн и его родственников совершенно напрасно.

— ...Предположим, это действительно был дракон, — сказал Охранитель Короны. — Хотя в Бритунии о драконах слыхом не слыхивали как минимум пять столетий. Замечу: не только в Бритунии — к Закату от Кезанкии люди не видели крылатых ящеров с древнейших времен!

— Я однажды видел, — встрял Конан. — В 1284 году по Аквилонскому счету, на Зингарском побережье. Настоящий герольм, с крыльями и четырьмя лапами. Мы отлично поладили, между прочим — дракон оказался совсем не страшным...

— Герольм? — заинтересованно переспросил месьор Атрог. — А чем такой дракон отличается от остальных?

— Всего существует пять разновидностей драконов, — ответил Гвайнард. — Гивр, водяной дракон, без крыльев и лап. Просто очень большая змея. Линдворт тоже бескрылый, но у него есть пара передних ног. Они обычно водятся в болотах или заросших озерах и воруют скот. Затем — амфинтерны, горные драконы. Эти крылатые, правда, ноги у них не растут. Любят собирать драгоценные камни или золотые предметы и лежать на них — именно про амфинтернов ходят легенды, как о хранителях сокровищ. Сины водятся далеко на Восходе, в Кхитae — у них четыре лапы, но нет крыльев. Похожи на здоровенных ящериц. И, наконец, герольмы — геральдические драконы. Огнедышащие, с крыльями и четырьмя лапами. Они очень крупные, не побоюсь этого слова — огромные! Их всегда было очень мало и, судя по всему, они являются старейшими в роде драконов. Предположительно, геральдические драконы не просто древние и разумные животные, владеющие искусством волшбы, но нечто иное, неизмеримо большее — воплощенные духи, наподобие броллайхэн.

Причем герольмы тоже делятся на полдесятка видов, но цвету чешуи: синие, красные, золотые...

— Безумно интересно, — кивнул Атрог. — И чем помогут нам эти подробнейшие сведения из жизни гигантских ящеров?

— Ничем, — пожал плечами Конан. — Никто не знает, что именно за зверюга летала утром вокруг замка. Наблюдательность ваших гвардейцев не на высоте — видеть тварь с расстояния половины, а то и четверти лучного перестрела, и не запомнить, как она выглядит! Больше того скажу: мы не в состоянии начать охоту только потому, что не представляем на кого именно охотиться, где живет это чудовище и что ему потребовалось от людей!

— Конан абсолютно прав, — согласился Гвайнард. — Драконы предпочитают уединение и никогда не появляются возле человеческого жилья — знают, что опасно.

— Но как же быть с легендами о нападениях крылатых змеев па города или подземные сокровищацы дварфов?

— Не всяким легендам следует верить. Мы живем во времена, когда магия древности уходит из человеческой Вселенной, уходят и чудовища далекого прошлого... Я убежден: мы имеем дело с чем угодно, но только не с драконом!

— Демон? — вздернул бровь Охранитель.

— Вряд ли. Начинался рассвет, демоны Тьмы в такое время уходят в свой мир... Кроме того, наши амулеты молчали, никакой черной магии. Признаться, я в затруднении.

— Поверьте, месьоры, я тоже, — не без иронии сказал Атрог. — На коронный замок нападает незнамо какое страшилище, плюется огнем, до полусмерти пугает гвардейцев, а йотом исчезает в никуда... Наше счастье, что тварь не спалила дотла деревянные пристройки. Потом являются Ночные Стражи, которые обязаны оберегать Райдор от потусторонних напастей и заявляют, что они бессильны что-либо сделать. Как в такой ситуации прикажете поступать главе тайной службы великого герцога?

— Усилить охрану, — Конан воспринял риторический вопрос Атрога с полной серьезностью. — Установить на башне баллисти или две, наконечники стрел смазать крысиным ядом — попросите у мэтра Аделарда, старик держит дома столько разнообразной отравы, что на пятьдесят драконов хватит!

— Как ты сказал? — Атрог неожиданно подался вперед и его глаза загорелись хищным огнем. — Аделард? Эй, десятник!

— Что прикажете, ваша милость? — в темном дверном проеме образовалась фигура в кольчуге и при мече.

— Алхимики — ко мне! Немедля!

— Стойте-стойте, — Гвайнард аж вскочил, перевернув табурет. — Месьор Атрог, не трогайте мага! Мы лучше сами с ним поговорим! Вы же знаете, как Аделард к вам относится! Он лишь вновь разобидится и замкнется! Потом из него и слова не вытянешь!

— Хорошо, — Охранитель подавил внезапный порыв и жестом отпустил стражника. — Но если это была проделка старого безумца, я его... Я его...

— Повесите? — участливо осведомился Эйнар.

— Пинком выставлю из Райдора! И за собственные деньги найму для герцога орденского колдуна! Мое терпение не безгранично!

— Может, мы пойдем? — осведомился Гвайнард. — Ваша милость, очень прошу, не принимайте скоропалительных решений! Поверьте, мы справлялись с делами и потруднее!

— Знаю. Если произойдет что-нибудь неожиданное, я немедленно отправлю к вам посыльного. Или, может быть, месьор Конан Капах и, допустим, госпожа Асгерд согласятся пожить несколько дней в замке? Я отвечаю за жизнь герцога и безопасность его семьи!

— Это необязательно, — твердо ответил Гвай. — А вот с месьором Аделардом мы переговорим как можно скорее. Надеюсь, маг уже проснулся...

* * *

Эйнара и Асгерд отправили домой — бдеть и ожидать новостей, мало ли, вдруг кто-нибудь из жителей Райдора видел нечто подозрительное? В таких случаях обитатели столицы герцогства всегда бежали к охотникам за помощью. Гвайнард и варвар направились в гости к придворному магу.

Стучались долго, поначалу тихонько, но затем киммериец пустил в ход свои пудовые кулачищи, едва не вышибив дверь.

— Убирайтесь! — из флигеля донесся дребезжащий высокий голосок. — Негодяи, как вы осмелились тревожить пожилого человека в часы его отдыха! Убирайтесь, или превращу в крыс!

— Месьор Аделард, это Ночная Стража, — очень вежливо ответил Гвай. — Будь столь любезен, открой. Дело безотлагательное, нам необходима помощь мудрого и знающего волшебника!

Конан едва слышно хмыкнул — лесть оказывала на Аделарда неотразимое действие, как мозговая косточка на собаку. Самое смешное было в том, что алхимик и впрямь считал себя «мудрым» и «великим».

— Боги всеблагие, — простонал варвар, когда дверь распахнулась, и тотчас получил от Гвая чувствительный тычок локтем под ребра.

В ночном облачении Аделард выглядел еще более оригинально, чем в привычном «костюме мага».

Алхимик был облачен в необытнейшую ночную рубашку кхигайского шелка, украшенную десятками ярдов великолепных кружев, какие плетут в Коринфии. Создавалось впечатление, что Аделард был укрыт настоящим снежным сугробом — только плешивая голова торчала. Значит, серебро герцога уходит не только на старинные магические атрибуты и составные части декоктов! У ног алхимики терся черный кот потрясающей жирности.

— Как же, месьоры! — визгливо вскричал Аделард. — Проходите, всегда рад оказаться содействие вашей гильдии! Простите за непристойный вид, я немедленно оденусь!

С тем алхимик упорхнул в недра своего пахучего обиталища. Этим утром во флигеле густо смердело серой, купоросом и еще какой-то невыносимой гадостью. Даже вечно невозмутимый Гвай поморщился.

Никаких особенных разрушений в магической лаборатории не наблюдалось — обычный бедлам. Гвайнард искренне полагал, что если Аделард действительно устроил один из своих невероятных экспериментов, закончившийся появлением огнедышащего летуна, значит должны остаться следы.

Однако, книги как и всегда были свалены в неопрятную кучу, ни единая колба не

разбита, а последствий очередного пожара не наблюдалось. Надо думать, алхимик благополучно проспал всю ночь и пропустил самое интересное...

Месьор Аделард торжественно вышел из спальни — в балахоне и колпаке. С самым значительным видом взял в левую руку огромный хрустальный шар, в правую посох, уселся в единственное свободное кресло и принял невероятно величественный вид. Конан только головой покачал — стариk безумен, это неоспоримо. Вопрос только в том, насколько далеко он может зайти в своем безумии.

— Я слушаю, — благосклонно кивнул Аделард. — Нам вновь придется вступить в беспощадную битву с силами мрака?

— Боюсь, ты прав, — вздохнул Гвайнард. — Слушай же...

Очень кратко, просто и доходчиво, предводитель ватаги охотников рассказал о случившемся на рассвете казусе. Появилось некое странное существо, видом сходное с драконом, напало на крепость герцога, после чего благополучно сгинуло. Оно умеет летать и дышит огнем. Никто из гвардейцев не запомнил облик твари.

Как бы невзначай, Гвай спросил, как рано Аделард улегся спать и не слышал ли чего странного?

«Нет, не слышал», как-то очень поспешно сказал алхимик. В опочивальню Аделард отправился вскоре после полуночи, закончив работать над своим трактатом «Истинная история Белой магии в Хайбории, от древнейших времен короля Алькоя до дней сущих». Смотрел алхимик в сторону, кстати.

Получив от волшебника заверения в том, что он покопается в древних книгах, где упоминаются редкие и необычные летающие существа, охотники раскланялись и вышли на свежий воздух.

— Думаешь, он причастен? — спросил Конан.

— Понятия не имею! Но глазки у Аделарда бегали нехорошо... Понаоблюдаем.

— Конечно, понаблюдаем. Поскольку ничего больше делать не остается!

Глава вторая

В которой раскрывается тайна герцога Ландерика и охотники посещают развалины старого замка

Вплоть до самого вечера в Райдоре не было отмечено никаких странных происшествий, хотя месьор Атрог отдал городской страже и герцогским гвардейцам наистройнейший приказ — смотреть в четыре глаза и немедленно докладывать обо всем подозрительном в замок и господам охотникам. Распоряжение Охранителя было выполнено буквально — в хлеву кузнеца Сурта, что живет па улице Медников, народился шестиногий козленок, какового незамедлительно приволокли на двор к Ночной Страже. Гвайнард, осмотрев новорожденного (издохшего почти сразу) определил, что магии здесь никакой нет — обычное уродство, такое случается.

Эйнар зря времени не терял. Броллайхэн притащил в «Арсенал» огромную книгу в кожаном переплете — редчайший список сочинения Беренгария Тарантийского, — одного из самых знаменитых ученых мужей Заката. Именовался трактат более чем солидно: «Общее совокупное описание существ, чудесных и таинственных, в землях Закатного материка обитающих, с пятьюстами рисованными миниатюрами». В бестиарии были собраны и классифицированы все доступные сведения о монстрах и демонах. Более подробного труда и интересовавшей Ночную Стражу сфере попросту не существовало, хотя достопочтенный Беренгарий несколько поспешил объявить свое творение полным и законченным — охотники могли значительно его дополнить. Все-таки они сталкивались с монстрами лицом к лицу почти ежедневно, а мудрец из Тарантии творил в тишине мраморных залов Обители Мудрости.

— Нашел что-нибудь? — Конан присел к широченному общему столу и с интересом взорвался на одну из «миниатюр» изображавшую нечто совершенно непотребное: казалось, тварь состояла только из глаз и зубов. Рядом с трактатом Беренгария лежали еще полдесятка книг поменьше размерами, но с такими же скверными рисунками.

— Меня заинтересовали слова трех гвардейцев, — озабоченно сказал Эйнар, перелистывая тонкий дорогой пергамент. — Они уверенно заявили, что у существа было две головы. Сам знаешь, одному-единственному свидетельству можно не доверять — мало ли что человеку примерещилось? — но сразу трое? Пытаюсь искать именно в этом направлении.

— И как оно, получается?

— Какое там! — безнадежно вздохнул броллайхэн и ткнул пальцем в картинку. — Вот смотри, это дарфарская гидра...

— Видел такую, — согласно кивнул варвар. — Когда мы с Белит плавали на «Тигрице»...

— Очередную байку про Белит расскажешь потом, — отмахнулся Эйнар, которому изрядно поднадоели истории Конана. Броллайхэн считал их выдуманными минимум наполовину, хотя киммериец никогда ничего не приукрашивал. — У гидры пять голов, но летать она не может. Смотрим дальше: обливакс, водяной монстр, водится в реках Стигии... Три головы, однако на сушу он никогда не выходит. Латеруза, двоеглавая гарпия, полностью истреблена сразу после падения Кхарии. Многоглавые змеи? Во-первых они маленькие, во-

вторых крыльев нет...

— Зря стараешься, — заключил Конан. — Скорее всего мы имеем дело с существом, порожденным магией. Ты слышал о Бурях Перемен?

— Конечно. Буйство вырвавшегося из подчинения волшебства, частенько случаются в Стигии, иногда — в Гиперборее. Магия способна до невероятия извратить облик любого живого существа, но когда ее действие прекращается, все восстанавливается в прежнем виде. Конан, уверяю, поблизости не было Бури Перемен, я бы почувствовал!

— Не надоело переливать из пустого в порожнее? — поинтересовался Гвай, явившийся из маленькой открытой кузни, устроенной во дворе дома. Физиономия у предводителя ватаги была закопчена — предпочитал сам ковать подковы для лошадей ватаги, а не обращаться к соседским кузнецам, так оно надежнее. — Клянусь Оком Миры, едва кто-нибудь в самом городе или окрестностях заметит эту тварь, нам моментально сообщат! А до этого времени я предпочитаю не забивать себе голову всякой чепухой. Вечером прилетит Рэльгонн, попросим его разведать обстановку...

Конан понимающе кивнул. Способность рудненских упырей мгновенно перемещаться из одной точки в другую и даже переносить людей через Ничто, давала Ночной Страже огромные преимущества перед самыми хитрыми и осторожными чудовищами.

Рэльгонн непременно заинтересуется новой загадкой, привлечет к поискам своих родственников и рано или поздно докопается до истины! Вампиры из Рудны позволяли Ночной Страже не утруждать себя долгими поисками и погонями — достаточно одного щелчка пальцами, и ты можешь перенестись из Райдора хоть в Аквилюнию, хоть в Султанапур!

— К вам гости, месьоры, — в «Арсенал» заглянула домоправительница, госпожа Тюра. — У ворот ждет.

— Кого еще принесло? — полюбопытствовал Конан.

— Маг ихней светлости герцога.

Аделард действительно отирался возле ворот усадьбы охотников — старичок восседал на грустном сером ослике и ради выезда в город облачился в парадную хламиду, вызывавшую удивление у прохожих и посвистывание уличных мальчишек. Ничего удивительного — синеголубая мантия, усеянная звездочками, полумесяцами, рунами и таинственными знаками вкупе с обязательным острым колпаком выглядели до крайности нелепо. На свист и смешки простецов Аделард внимания не обращал — держался гордо и благородно, как магу и подобает.

Горе-волшебника проводили в «Арсенал», усадили в лучшее гостевое кресло покрытое мягкой шкурой серого пещерного медведя, налили лучшего коринфийского вина, запас которого держали нарочно для таких случаев — сами охотники обходились вином ягодным, а Гвайнард и Копан вообще предпочитали пиво или черный эль.

Насладившись гостеприимством, Аделард наконец решил перейти к делу и выложил на стол привезенный с собой фолиант, выглядящий очень и очень старым — пергамент потемнел, металлические застежки покрыты налетом ржавчины.

— Светлейший герцог три зимы назад передал в мое ведение библиотеку замка, — значительно сообщил алхимик, постукивая тонкими пальцами по обложке книги. — Книжное собрание, прямо скажем, невеликое. Никакого сравнения с коронной библиотекой Бельверуса или аквилонской Обители Мудрости!..

«Надо думать, ты там бывал, — с усмешкой подумал Конан. — А если и бывал, то

почему не остался в этих храмах знания? Может, выставили го скандалом?»

— Всего девяносто два тома, — продолжал скрипеть Аделард. — Но кое-что стоящее найти можно. Например, погодовые хроники герцогства Райдорского, которые начали вести семьсот пятьдесят зим назад, когда предки его светлости Барта поселились в этих местах и объявили их своими владениями. Увы, увы, теперь должности придворного летописца в Райдоре нет, канцелярия этого мерзавца Атрога не уделяет должного внимания летописям...

— Не будем отвлекаться, — Гвайнард мягко напомнил о деле. — Зачем ты принес эту книгу, о мудрейший?

Аделард среагировал на «мудрейшего» благосклонно, расстегнул замочки на книге и начал бережно перелистывать страницы, одновременно поясняя:

— Перед вами, друзья мои, полный свод Райдорской Хроники за предыдущее столетие, начиная от 1110 по 1208 годы по общепринятому на Закате счету Аквилонии, от начала правления короля Алькоя. Весьма много интересного, раньше умели вести летописи... Вот пожалуйста, подробное описание битвы при Чарнине, когда бритунийское войско выступило против легионов королевы Немедии Куннихильды, пытавшейся включить наше королевство в состав своей империи... Между прочим, несколько раз упоминаются и подвиги Ночной Стражи, ваших прямых предшественников!

— Битва при Чарнине — это безумно интересно, — повторил попытку Гвай. — Однако, нам куда более интересны сведения о летучих чудовищах.

— Сейчас, сейчас, — поморщился Аделард. — Терпение, друзья мои, есть одна из высших добродетелей. Во-от, смотрите...

— Куда смотреть? — заинтересовался Конан, взглянув на пергамент. Картинок в книге не было.

— Итак, 1162 год, путешествие короля Гундовальда в Немедию, постройка форта на границе с Гипербореей, прибытие каравана из Аграпура... Нашел! Слушайте внимательно, вот что пишет хронист: «Минуло четырежды семь и тринадцать зим, как и гласило пророчество молберан вернулся...»

— Молберан? — переспросил Эйнар, услышав незнакомое слово. — Что это такое?

— Не перебивайте, юноша. Цитирую дословно: «Страх вновь поселился в Райдоре, убито не менее полусотни людей в баронствах Трисг, Анвольд и Равен, и число погибших непременно возрастет, ибо воплощенный кошмар древности уснет лишь с приходом осени...» Замечу, месьо-ры, летописец предпочел ограничиться только этой малопонятной строчкой и припиской о том, что не желает накликать беду па свою голову... Теперь давайте обратим наш просвещенный взор на записи датированные 1203 годом, — старый волшебник отыскал нужный лист и ткнул пальцем в строчку, подчеркнутую свинцовым карандашом: — Опять нечто подозрительное. «Посланник Бездны пришел вновь, кровь льется безостановочно и пет таких слов, которыми можно описать ужас, обуявший подданных короны Великого Герцога...» Кратко, но выразительно, не находите? Человек, ведший хронику, явно боится лишний раз упоминать об этом «ужасе», никаких подробностей! Догадайтесь, когда в летопись появляется очередная запись?

— «Четырежды семь и тринадцать», — догадался Конан. — Сорок одна зима. Значит, в 1244 году?

— Верно. Я внимательно просмотрел хроники последнего столетия, более никаких упоминаний о некоем «молберане» не отыскалось, но... Достаточно просто посчитать.

— Потом оно должно появиться... — Эйнар помрачнел. — Только этого не хватало! В

1285 по основанию Аквилонии! Отлично! Не было забот!

— Подождите, — помотал головой Гвайнард. — Пока я совсем ничего не понимаю! Давайте разберемся. Предположим, что в Райдоре обитает некое «чудовище» которое на сорок одну зиму впадает в спячку, затем просыпается на неопределенный срок, учиняет шумные безобразия и снова отправляется в свою пещеру — отдыхать до следующего пробуждения. Вопрос: почему Ночная Стража, половину тысячелетия присматривающая за герцогством никогда и ничего об этом монстре не слышала?

— Я просмотрю записи наших предшественников, — живо отозвался Эйнар, вскочил и снял с полки несколько тубусов для хранения свитков. Охотники обычно заносили в собственную хронику наиболее интересные события из своей жизни: пригодится тем, кто придет на смену.

— Вопрос второй, — подал голос Конан. — Лично я никогда не слышал о монстрах или демонах с таким необычным образом жизни. И почему летописец говорит «четырежды семь и тринадцать», вместо того, чтобы просто написать «сорок один год»? Ну или «зима», кому как больше нравится. Магия чисел?

— Непохоже, — почесал в затылке Гвайнард. — Что у нас символизируют числа «четыре», «семь» и «тринадцать»?

У Аделарда загорелись глаза — он считал себя непревзойденным знатоком древней науки нумерологии:

— Четверка — число несчастливое, — затараторил маг. — Причем считается таковым на всем Закате, как у варваров, так и у людей цивилизованных. Семерка наоборот, приносит удачу. Тринадцать — «черная дюжина», означает смерть, гибель. Именно столько демонов Мрака охраняют Черную Бездну, у Нергала — тринадцать слуг, надзирающих за Серыми Равнинами. В совет Черного Круга Стигии входит тринадцать колдунов...

— Неверный след, — покачал головой киммериец. — Сышили, в хронике еще упоминается какое-то «пророчество», а пророчества всегда излагаются мудреным языком. Никто тебе не скажет: через сорок одну зиму жди беды. Куда значительнее будет так: «Когда минет четырежды семь и тринадцать зим снизойдет на земли Райдора черный ужас». Красиво и страшно, я с такими пророчествами частенько сталкивался.

— Первое упоминание об «ужасе» в каком году было? — нахмурился Гвайнард. — Если в 1162, значит пророчество относится к 1121 году, тут и думать нечего! Уважаемый месьор Аделард, посмотрите в книге, может быть отыщется упоминание о каком-то из ряда вон выходящем событии?

Маг нахмурился и вновь зашуршал сухим пергаментом — ему следовало бы самому догадаться!

— Давайте почитаем, — протянул Аделард, близоруко щуря глазки. — На первый взгляд решительно ничего интересного. В начале года были стычки с немедийцами на полуденной границе, торговля шла исправно... Весной скончался Старый герцог, трон принял его наследник, Ландерик. Ого!

— Что?? — хором переспросили охотники и дружно вытянули шеи.

— Весна была очень холодной, часть посевов не взошла, — сказал Аделард. — Потом засуха, потом град... Урожай не был собран, первые признаки надвигающегося голода появились уже к началу осени. Даже дикий зверь начал откочевывать из лесов к полуночи — из-за великой суши случилось много лесных пожаров, некоторые речки в округе пересохли, из колодцев ушла вода. С наступлением холодов стало совсем плохо. Тут очень невнятное

сообщение о молодом герцоге: его светлость мог купить зерно в Немедии или Туране, но поскупился, хотя серебра в казне хватало, прошлым годом нашли богатую серебряную жилу в Кезанкии... Словом, к зиме дело дошло до людоедства, вымерло несколько деревень, люди начали бежать из Райдора на полдень.

— Голод, людоедство... Замечательно, — сказал Гвайнард, хотя решительно ни о чем «замечательном» летопись не повествовала. — Что-нибудь еще?

— Да, — коротко ответил маг. — Хронист весьма кратко упоминает, что в самый разгар голода Ландерик Райдорский скончался, власть перешла к младшей ветви рода, его двоюродному брату.

— Не здесь ли скрыта тайна «пророчества»? — задумчиво произнес Эйнар. — Посудите сами: молодой герцог умирает не просидев на троне и полугода, за это время на Райдор обрушаются все возможные бедствия, светлейший не желает помогать своим подданным, которых обязан защищать от любых несчастий... Что-то тут нечисто.

— Летописец на этот счет молчит, — ответил Аделард.

— У хрониста было теплое и наверняка сытое местечко под герцогским крыльышком, — пожал плечами Конан. — Упомянешь в рукописи неприятные для властителя подробности, и мигом вылетишь из замка на улицу. Хорошо, если голову не снесут. Отлично понимаю летописца.

— Вот что, други, — Гвай поднялся с лавки. — Хроника на наши вопросы не ответит. Придется идти к герцогу и говорить с ним лично. Должны ведь сохраниться фамильные предания? Возможно, о некоторых деталях семейной истории Райдоров простые смертные знать не должны, по мне-то светлейший обязательно расскажет... Не так уж и много времени прошло, всего каких-то сто шестьдесят зим! Благодарю тебя, месьор Аделард. Кажется, мы вышли на след нашего летуна.

— Всегда рад, — кивнул волшебник и снова отвел взгляд. У Конана возникла навязчивая мысль о том, что старикан явно знает больше, чем говорит.

— Оставайтесь дома, а я провожу месьора Аделарда в замок и попрошу встречи с герцогом, — сказал Гвай, набрасывая плащ. — Эйнар, перевороши все записи Ночной Стражи, может быть и найдешь то, что нам нужно.

— А чем я по-твоему занимаюсь?

* * *

Добиться приема у светлейшего оказалось делом несложным — понятия о дворцовом этикете в Райдоре разительно отличались от столичных нравов великих империи вроде Турана или Аквилонии. Достаточно было обратиться к капитану стражи, тот мигом послал гвардейца к герцогу, а спустя половину квадранса Гвайнарда препроводили в кабинет его милости.

Варт Райдорский, единовластный повелитель огромного герцогства, сравнимого размерами с иными королевствами, относился к Ночной Страже с отеческой благосклонностью. Дворянской спесью он не отличался, был невероятно богат и одновременно щедр, а к подданным милостив — достаточно упомянуть о том, что в Райдоре

не было тюрьмы. Всерьез провинившихся отправляли на рудники, или отвозили в Пайрогию, пусть королевский суд разбирается. Если же страже попадался мелкий воришка или буйный пьянчуга, для вразумления вполне хватало розог.

Герцог отлично понимал, что правит беспокойной провинцией и поддержка столь уважаемой гильдии как Ночная Стража ему необходима — охотники не только истребляли чудовищ, но и оказывали носильную помощь месьору Атрогу, как например в недавнем случае с безумным убийцей, резавшем гуляющих девиц. Единственное, что категорически запрещалось кодексом Ночной Стражи, так это вмешиваться в политику, но какая, скажите, может быть политика в самом отдаленном уголке Закатного материка?

— Рад приветствовать, месьор Гвайнард, — добродушно прогудел Варт, указал гостю на кресло и сам уселся напротив. — Огладил пышную бородищу. — Мне передали, будто у тебя безотлагательное дело? Это связано с драконом?

Гвай подождал, пока доставивший кувшин с вином и бокалы безмолвный слуга не уберется и не закроет тяжелую дверь, откашлялся и ответил напрямую:

— Светлейший, у нас появились серьезные затруднения. Затруднения, которые способны вылиться в нечто большее — серьезную беду, способную затронуть все герцогство.

— Вот как? — нахмурился Варт. — Что стряслось? Рассказывай. Сам знаешь, помогу чем смогу.

— Меня очень интересует один из твоих предков. Герцог Ландерик. Он очень кратковременно правил в 1121 году, когда случился большой голод.

Владыка Райдора поджал губы, выдержал долгую паузу и наконец ругнулся так, что Гвайнард поморщился. Благородным дворянам таких слов не то что произносить, и знать-то не полагается!

— Сходи в библиотеку замка, посмотри хроники, — прохладно сказал светлейший. — Там все написано.

— Уже смотрел. Мне нужны сведения, в летописи не отраженные. Понимаю, что здесь скрыта некая очень нехорошая тайна, но ты знаешь — Ночные Стражи умеют хранить чужие секреты.

— Только на это и рассчитываю, — герцог был мрачен без всякой меры, складывалось впечатление, что Гвайнард всерьез задел его за живое. — Имя Ландерика вычеркнуто из всех семейных хроник, его будто бы и не существовало. Он проклят, и я готов каждодневно благодарить всех богов за то, что проклятие не пало на весь наш род...

— Наверное потому, что у Ландерика не осталось прямых наследников? Твоим предком, светлейший, является его двоюродный брат. Насколько я знаю, действие некоторых проклятий не распространяется на младшую ветвь рода, только на кровных детей...

— Да? Любопытно. Возможно, Райдорам в этом случае просто повезло. Ты можешь рассказать о проклятиях немного подробнее? И тогда, обещаю, я отвечу на любые вопросы.

— Ну, что тут расскажешь... — Гвай нахмурился, припоминая. — Конечно, за объяснениями лучше обратиться к жрецам или гильдейскому магу. Ночная Стража не снимает проклятий, мы только устранием их последствия.

— Знаю, — отмахнулся Райдор. — Вроде недавних случаев с упырицей в Ронине и утопленником из Тарса?

— Именно. Причем в первом случае проклятие наложили боги за грех кровосмешения, а во втором мельника-убийцу проклял митрианский жрец. Итак, «проклятием» называется отвержение души человека от Света. Его перестают защищать боги и он мгновенно

становится добычей бестелесных демонов Черной Бездны, которые начинают направлять дальнейшие действия проклятого. Существует множество разновидностей проклятий, однако смысл всегда один: волей человека управляет Тьма и использует его действия во зло. Душа проклятого не может покинуть мир живых, что является самым ужасающим наказанием. Она застrevает в нашем Универсуме до времени, пока проклятие не будет снято и боги не позволят ей найти отдохновение на Серых Равнинах или не ввергнут навсегда в Черную Бездну — в качестве воздаяния за прошлые прегрешения, простить которые не способны даже Митра или Иштар. Известны самые замысловатые проклятия, снять которые практически невозможно.

— Например?

— Да хоть помянутый утопленник из Тарса! Дочь мельника забеременела вне освященного митрианским обрядом брака, папаша рассвирепел, приложил блуднице по голове поленом, отчего та незамедлительно отбыла на Серые Равнины, а затем, окончательно спятив, убил до смерти жену и сына и сам утопился. Местный жрец проклял душегубца и Митра согласился с проклятием — душа мельника навсегда застряла в омерзительном теле утопленника, хотя это была только часть воздаяния. Во-первых, снять проклятие можно было только в случае, если мельник однажды спасет от неминуемой гибели всех до единого жителей Тарса. Всех, понимаешь? Можно считать, что условие невыполнимо. Во-вторых, демоны Черной Бездны еженощно устраивали утопленнику жуткий спектакль — он снова возвращался в тот вечер, когда произошли убийства, сидел за столом со своей призрачной семьей, тщетно пытался что-то исправить, на следующую ночь все повторялось, и на следующую... Семьдесят зим подряд.

— Кошмар, — поморщился герцог. — Боги, вне всякого сомнения, справедливы, но иногда их справедливость чересчур жестока. Мельнику из Тарса повезло... А вот Ландерику — не очень.

— Значит, светлейший, ты знаешь о том, что происходит в Райдоре через каждые «четырежды семь и тринадцать зим»?

— Этого никто не знает. Никто. Я расскажу только то, о чем известно в точности. Наливай вина и слушай. Никогда еще эта история не выходила за пределы узкого семейного круга герцогов Райдорских, по, похоже, настало время облегчить душу. Не хочу лишней крови, очень не хочу...

* * *

...Отцом Ландерика был герцог Теодоберт II, правивший Райдором удивительно долго, более полустолетия. Он был дважды женат — первая супруга Теодоберта оказалась бесплодна и немедленно по ее смерти герцог вновь женился, на девушке из захолустного баронского рода, которая и принесла ему единственного сына. К моменту рождения Ландерика светлейшему перевалило за шестьдесят, а умер он в год своего восьмидесятилетия. Наследные права на Райдор перешли к сыну — избалованному и своевольному.

Ландерик был единственным и поздним ребенком, в юности ему прощалось все — нет

ничего страшного в том, что на охоте он «случайно» подстрелил двоих кметов, работавших в поле, ну а похищения девиц и насилие над ними... Предосудительно, но ничего не поделаешь, мальчик растет, к семнадцати годам отпрыск древнего рода заинтересовался магией, но успехов на этом поприще не достиг, не хватало знаний и таланта. Ландерик пытался искать учителей в Пайрогии и даже Бельверусе, сулил колдунам огромные деньги, однако никакой уважающий себя маг не поедет в эдакую глушь обучать дворянского сынка не способного даже яйцо в цыпленка превратить. Какие-то способности у Ландерика определенно были, но они не развились — разврат и пьянство не способствуют постижению великих тайн волшебства.

Теодоберт дряхлел и все более отходил от дел, наследник в тонкости управления Райдором вникать не собирался, а управители, почувяв безнаказанность и полную свободу от чуткого ока владетельного герцога, воровали из казны и вовсю пользовались нежданно свалившейся в руки безраздельной властью. Росли налоги и пошлины, купцы предпочитали Райдору другие провинции Британии, хлеб дорожал, люди нищали.

Гром грянул накануне дня весеннего солнцестояния — Теодоберт скончался, как это говорится «не вынеся тяжкого бремени прожитых зим». Всем здравомыслящим подданным Райдора стало окончательно ясно, что ничего хорошего при правлении Ландерика герцогство не ждет.

Некоторые вассалы Райдора даже обратились к королю Британии с просьбой назначить королевского наместника, но государь, сославшись на древние привилегии и вольности дарованные предкам Ландерика, отказался — своих забот хватало.

Известно, что беда никогда не приходит одна. Надвигающееся несчастье впервые обозначилось непосредственно после смерти старого герцога — поздняя весна, морозы, снег сошел только за десять дней до первой летней луны. Почти сразу началась засуха, а с ней падеж скота. Ландерик ничего не замечал, целиком отдаваясь развлечениям.

К концу лета в деревнях начали есть жуков и кору деревьев, бедные дворяне разорялись, цена за меру зерна поднялась двадцатикратно по сравнению с прошлым годом. В полуночной Немедии и Пограничье дела обстояли ничуть не лучше, дружины Вольных баронств совершили набеги на Британию в надежде раздобыть у соседей хлеб и фураж. Король и высшие британские дворяне отправили несколько караванов в Аквилонию, Коф и Шем — там как раз собрали невиданный урожай. Ландерик не сделал и этого, а потому голод в Райдоре приобрел чудовищные масштабы.

Говорят, будто страшные сказки о людоедах, похищающих детей и невинных девиц появились именно в этот злосчастный год. Не следует думать о том, что король в Пайрогии не был извещен о происходящем — в некоторых замках Райдора стояли отряды королевской гвардии и их командиры отсылали в столицу панические депеши, в которых повествовалось о кошмарном положении в некогда процветающем герцогстве.

Съели лошадей и собак, начали охотиться на крыс и мышей. Когда извели и мелкую живность, люди ели трупы погибших от голода родных, потом начали убивать еще живых. На рудниках каторжники умирали сотнями, на них никто не обращал внимания. Перед наступлением холодов в Райдоре появились замки-призраки и деревни-призраки, только выползшая из укрытий нечисть завывала ночами на заброшенных жальниках...

Что же делал в это время молодой герцог Ландерик? История об этом умалчивает, воспоминаний не сохранилось, а хронист предпочел не описывать подробности. Тем не менее, Райдор всегда считался богатейшей провинцией королевства — серебряные рудники и

добыча алмазов в Граскаале приносили колоссальный доход. Потратив меньше сотой доли своего огромного состояния Ландерик мог обеспечить подданных хлебом до следующей весны, но...

Что именно произошло в замке короны не знает никто. Предположительно, это случилось в середине зимы, но опять же, точных сведений нет, только смутные рассказы предков Варта Райдорского, втайне передаваемые от отца к сыну.

— Ты знаешь, что старый замок стоял совсем в другом месте? — спросил герцог Гвайнарда.

— Слышал, — кивнул предводитель охотников. — На противоположном берегу реки, за стенами города. Холм, на котором еще видны развалины, люди называют «Черным». Я никогда не задумывался, почему...

— Следующим, 1122 годом, весна выдалась теплой и ласковой — вдоволь дождей, вдоволь солнца, снег растаял сразу после праздника Самхайнн. Мой прапрадед барон Одрих, дядя Ландерика, в те времена владевший леном в полуночной Немедии, просыпал о жутком голоде во владениях племянника и как только дороги высохли, отправил в Райдор большой караван с сильной охраной. Выяснилось, что город вымер больше чем на три четверти, выжившие находились на грани помешательства, а некоторые навсегда потеряли рассудок. Улицы были завалены трупами, у многих тел... гм... как бы это сказать?..

— Я понял, — деревянно сказал Гвайнард. — От них... откусили?

— Да. В городе осталось всего двести тридцать человек. В основном мужчины, несколько женщин. Детей... детей убивали, чтобы не кормить. Люди пережили ужасную зиму. Однако, в замке было еще хуже.

— Что может быть хуже? — проворчал Гвай, более обращаясь к самому себе.

— Всех обитателей замка короны убили. Убили давно, несколько лун назад. И убили самым зверским образом.

— Бунт в городе?

— Исключено, резиденция герцога была неприступна. Да и никакой человек не сделает ничего подобного, будь он в здравом рассудке или даже безумен. Некоторые оказались прибиты к стенам железными костылями, другие висели на потолочных балках, третьих просто разорвали в клочки...

— В клочки?

— Именно. В мелкие и крупные. У командовавшего отрядом наследника старого Одриха, барона Эохара, создалось впечатление, будто в замке устроила пиршество стая взбесившихся демонов. Погибло не меньше сорока человек. Однако Ландерик, если можно так сказать, умер своей смертью. От голода и жажды.

— Выходит, он и устроил резню в замке?

— Ничего подобного! Ландерик заперся в одном из помещений донжона, исчертив все стены и дверь магическими символами, оберегающими от нечисти. Страх перед неким монстром, поселившемся в замке, не смогла перебороть даже жажда, перед смертью Ландерик расцарапал ногтями горло, но из комнаты не вышел. Что могло его так напугать — неизвестно.

— Ну и история, — сокрушенно развел руками Гвайнард. — Почему не обратились за помощью к Ночной Страже?

— Зачем? — вздернул брови светлейший. — Нечто убило всех приближенных Ландерика и погубило его самого, а потом бесследно сгинуло. Кроме того у Эохара было

множество иных забот: надо было восстанавливать Райдор практически из руин, помогать оставшимся в живых... После того, как замок был осмотрен, Эохар распорядился сжечь его. Дотла. За два года была построена новая крепость, та самая в которой мы сейчас находимся.

— Отлично понимаю твоего прадеда, — кивнул Гвайнард. — Никакой разумный человек не согласился бы жить в проклятом месте. Кроме трупов в замке не нашли ничего подозрительного?

— Отчего же, нашли... В главной зале на полу кровью были выведены старинные руны. Пять числовых значений — четыре семерки и значок, означающий «черную дюжину». Рядом надпись, тоже рунами: «голод вернется». Это было истолковано как пророчество о том, что новое бедствие следует ждать через сорок одну зиму.

— В 1164 году не было голода, — заметил охотник. — В летописи это не отмечено.

— Ошибаешься, — тихо сказал герцог. — Голод был. Если быть совсем точным, вернулся его призрак. Воплощенный ужас прошлого, проклятие Ландерика.

— Можно подробнее? — немедленно заинтересовался Гвай. — Очень похожие слова я встретил в летописи, там тоже говорится о «поселившемся в Райдоре страхе» и приводится непонятное слово: «молберан». Это имя, название, какое-то понятие?

— Слово кхарийское. Идет от древнего «молф» — голод, и «беранус» — демон. У кхарийцев был очень странный язык, под «демоном» они могли подразумевать не только клыкасто-когтистое страшилище, но и невоплощенного духа, обуявшую человека страсть и еще очень многое... Кстати, ни в едином современном трактате по демонологии это слово не встречается.

— Я знаю, — согласился Гвайнард, перечитавший столько подобных трактатов, что иной волшебник мог бы позавидовать. — Тогда откуда взялось данное слово в хронике? Прости, светлейший, но летописцы в нашем захолустье лишней образованностью не блещут, я что-то не встречал в Райдоре ни единого человека знающего наречие кхарийцев.

— Не торопись, дослушай. Я только что говорил о рунической надписи в старом замке, так вот, вместо понятного «голод» там было использовано слово «молберан» — Эохар отнюдь не был дураком, он незамедлительно отправил депешу одному из магов конклава Золотого Лотоса и попросил объяснить непонятное выражение. Волшебник оказался дотошным, перерыл множество рукописей сохранившихся со времен Пифона, и нашел...

Герцог запнулся.

— Что нашел? — требовательно спросил Ночной Страж.

— Это очень смутная кхарийская легенда. Замечу: очень недобрая легенда. Когда случается неурожай и дело доходит до людоедства, беременная смертью земля порождает некое чудовище, «дух голоды». Как оно выглядит, откуда берется и куда исчезает — неизвестно. Загвоздка в другом: если верить кхарийским свиткам, монстр появляется, я подчеркиваю, исключительно в голодные годы. А к нам в Райдор он приходит через каждую сорок одну зиму. Очень ненадолго, на несколько дней. Однако, этих дней хватает для того, чтобы демон вдоволь порезвился.

— Выходит, дух голоды бывал здесь трижды, — Гвай задумчиво потер подбородок. — Очередного появления следует ждать в этом году... Но в летописи не указывается, что именно он вытворяет. Тебе об этом известно, светлейший?

— Мог бы и сам догадаться, — проворчал Райдор. — Он убивает. И пожирает мертвых.

— В предыдущие годы жертв было много?

— Никто не считал. Каждый раз — несколько десятков. Однажды целиком вырезал два

больших селения к полуночи от баронства Анвольд. В городе никогда не появляется, бесчинствует в округе. Все убийства очень жестокие — кровь рекой, тела разорваны...

— Выходит, самого монстра никогда не видели?

— Из оставшихся в живых — никто не видел.

— Не было нам забот, — сокрушенно буркнул Гвайнард. — По всем признакам этот молберан, или как там его, натуральнейшая нечистая сила, о которой гильдия Ночной Стражи вообще ничего не знает. Следовательно, как с этим страшилищем бороться, тоже непонятно. Сложная задача, ваша светлость.

— Я и не предлагаю тебе убить монстра. Понимаю, что это или очень сложно, или попросту невозможно. Но если...

— Если мы это сделаем, расценки обычные, — хмыкнул командир Ночных Стражей. — Думаю, я узнал достаточно. Последний вопрос: почему в Райдоре не сохранилось даже легенд о Ландерике и о том, что произошло в старом замке?

— Прадед взял со своих воинов клятву — никому и никогда не рассказывать о том, что они видели, а все прочее пожрал огонь. Это, пожалуй, самая мрачная тайна нашей семьи.

— Ты понимаешь, что мне придется все объяснить моим друзьям?

— Разумеется, — наклонил голову светлейший. — Но если вы действительно притащите мне голову молберана — озолочу. И буду всем говорить, что райдорский отряд Ночной Стражи — лучший в королевствах Заката!

— А разве в этом когда-либо были сомнения?

* * *

— Дела-а... — недоверчиво протянул киммериец, выслушав подробный рассказ Гвайнарда. — Только кхарийских демонов для полного счастья нам и не хватало! Давненько у меня не было такой веселой жизни! Целое лето бегаю, высунув язык, за гнусными зубастыми тварями, которые даже Сету в кошмарном сне не привидятся, ежедневно рискую быть сожранным или покалеченным, а тут еще и кхарийцы!

— Не уверена, что эта тварь является порождением магии Пифона, — пожала плечами Асгерд. — В этом мире встречаются чудовища, существующие сами по себе. Возможно, молберан был всегда, с самого сотворения мира. Вспомни, что сказал герцог: дух голода порождает сама земля...

— Какая разница, — поморщился Конан. — В любом случае этот монстр не имеет никакого отношения к дракончику, которого мы видели утром. Что делает молберан? Верно: убивает и жрет, а кроме того светлейший утверждает, что в город эта скотина не суется.

— Пока никаких сообщений о жестоких убийствах из соседних деревень не было, — заметила Асгерд. — Может, в этом году призрак голода не появится?

— Да услышит Огнеликий твои слова, — встриял Эйнар. — Я просмотрел все записи наших предшественников и никаких упоминаний о молберане не нашел. Что, вообще-то неудивительно: первые Ночные Стражи поселились в Райдоре тридцать семь зим назад, раньше бритунийский отряд квартировал в Пайрогии. Остается только спрашивать о нем у местных старейшин или знахарей, в деревнях знания о прошлом свято оберегаются...

— Отлично, — кивнул Гвайнард. — Можешь заняться этим вместе с Асгерд. Берите лошадок и отправляйтесь в баронство Апвольд. Недалеко, да и пиво там варят замечательное. Поговорите с кем нужно, переночуете, а завтра с утра — сюда. Может, мы с Конаном раскопаем что-нибудь интересное.

— Где раскопаете? — усмехнулся броллайхэн.

— Хотя бы на развалинах старого замка, — пожал плечами командир отряда. — Конан, как насчет прогуляться?

— Можно, — кивнул варвар. — Пойду Гнедого седлать...

* * *

Столичный город, который было бы вполне справедливо назвать чересчур разросшейся деревней, стоял возле излучины широкой реки с незамысловатым названием Быстротечная. Достаточно выехать из Купеческих ворот, миновать четверть лиги по Пайрогийскому тракту, переехать через деревянный мост и повернуть налево, как всадник увидит поросший соснами и пышными елями пологий холм, на вершине которого можно рассмотреть каменные руины. Несмотря на близость к ведущему на Закат оживленному торговому пути и самому Райдору, местность вокруг Черного холма казалась невероятной глухоманью — ни тебе утоптаных тропинок или сооруженных охотниками на лесную птицу помостов, никаких следов человека. Создавалось впечатление, что поданные светлейшего накрепко забыли путь к бывшей резиденции герцогов, хотя слухов о том, что место здесь нехорошее по городу не ходило — охотники Знали бы, поскольку именно в «нехороших местах» чаще всего встречались чудища, истребление которых являлось прямой обязанностью Ночной Стражи.

— Прошло сто шестьдесят четыре зимы, — говорил киммериец, лениво подталкивая Гнедого пятками в бока. — Целая вечность, по большому счету. Три человеческих жизни. Неужто ты надеешься отыскать там хоть что-нибудь интересное?

— Интересно посмотреть, — ответил Гвайнард. — Похоже, только первый этаж замка и донjon были сложены из камня, надстройка и хозяйствственные строения были деревянными. Поэтому и горело хорошо. Гляди, остатки рва...

Лошади остановились у поросшей высокой травой и крапивой канавы, на дне которой поблескивала покрытая маслянистой пленкой застоявшаяся дождевая вода. Видимо, в старые времена ров полностью окружал холм, а вода поступала из Быстротечной.

— Для такого захолустья как Райдор, крепость была неплохой, — со знанием дела сказал киммериец. — Не самая неприступная, конечно, но взбунтовавшиеся поселяне с вилами или гиперборейцы ее бы ни за что не взяли. А холм только кажется пологим, на самом деле с вершины вся округа будет как на ладони.

Всадники спрыгнули с седел, Гвай привязал поводья своей кобылки к стволу сосны, а Гнедой отправился гулять — сартак терпеть не мог, когда ограничивают его свободу. Киммериец, однако, знал, что Гнедой вернется по первому зову. Охотники перебрались через ров и зашагали наверх, к темной груде валунов.

Конан оказался прав. Далеко внизу, за вершинами деревьев и синей лентой реки коричневели деревянные постройки Райдора, вокруг расстипалось безбрежное море лесов, а

на Полуночи и Восходе сияли снежные шапки Граскаальского хребта и Кезанкии, отделявшей Бритунию от Турана.

— Ф-фу, — Гвай вытер лоб рукавом. Солнце палило нещадно. — Смотрится мрачновато, пускай день в самом разгаре. Неплохо жил Ландерик, новый замок покажется тесноватым.

Конан, прищурившись, оценил размеры бывшей крепости — пятьдесят шагов в длину, почти семьдесят в ширину. Ничего себе, заметны даже остатки могучих потолочных балок, валяющихся среди каменного крошева! Строились на века.

Относительно неплохо сохранилась полуденная стена в два человеческих роста высотой, от донжона наоборот, остался только фундамент из внушительных гранитных блоков.

— Ничего такого особого не чувствую, — сказал Гвайнард. — Амулеты молчат, запахи самые обычные...

— Зверя не видно, — поразмыслив, ответил киммериец. — Птицы молчат, ящериц на камнях нет. Да и трава здесь какая-то хилая, пожухлая. За полтора с лишним столетия должны были уже деревья вырасти, но ни одного ростка я не замечаю.

— Это еще ни о чем не говорит, — покачал головой Гвай. — Давай оглядимся. Под ноги внимательнее смотри.

— Думаешь, сокровищницу не тронули? — полуутя-полусерьезно спросил варвар. — Там должно быть немало серебра и камешков, нашим внукам хватит...

— Сначала детей заведи, а уж потом о внуках думай.

Охотники осматривали развалины не меньше трех квадрансов, однако не отыскали ничего интересного.

Конан обнаружил почерневшую от времени серебряную монетку немедийской чеканки, Гвай наткнулся на битые черепки и сильно траченое временем лезвие ножа.

— Тебе не кажется, что стало прохладнее? — внезапно спросил киммериец, пиная носком сапога обветренный валун. — Нет, действительно, вот здесь чувствуется холод!

Гвайнард подошел, наморщил лоб, и быстро кивнул:

— Точно. Судя по кладке, здесь был главный зал... Опять же, никакой черной магии или нечисти!

— Слишком полагаешься на амулеты, — огрызнулся Конан, отлично знавший, что холод является одним из признаков злого волшебства, равно как резкий запах грозы или постоянный ледяной ветер. — Доверься инстинкту...

— Это у вас, варваров, инстинкты, а у людей цивилизованных — разум и логика, — не остался в долгу Гвай. — Однако, ты прав, что-то здесь неправильно. А что именно, непонятно!

Земля под ногами слегка покачнулась и тут инстинкт сработал у обоих охотников — Конан и Гвай мгновенно ринулись в сторону, за периметр стен. Киммериец машинально потянулся к рукояти клинка.

— Митра Всеблагой, — предводитель ватаги Ночных Стражей отвесил челость. — Это что за образина?

Откуда оно взялось было совершенно непонятно. Только что не было — и вдруг появилось. Конан от неожиданности споткнулся и едва не упал, после чего громко произнес несколько хороших киммерийских словечек, перевести которые на местное наречие было абсолютно невозможно. Гвай, впрочем, основной смысл понял.

Варвару вдруг почудился запах речных водорослей — наверное принесло ветром от реки...

В десяти шагах от охотников стоял... стояло Нечто. Его сходство с человеком состояло только в наличии рук-ног, головы и туловища, и невероятных отрепьях игравших роль одежды.

Рожа преомерзительная, синюшного цвета с тонкими черными и багровыми прожилками, глазищи будто бельмами покрыты, но круглый черный зрачок все-таки имеется. В оскаленной пасти частокол длинных и очень острых зубов, кривых будто иранистанские сабли. На руках и ногах по три толстых пальца, заканчивающихся изрядными когтями. Между пальцев — перепонки. Башка лысая, уши широкие и плотно прижатые к круглому черепу.

С плеч свисает одеяние смахивающее на изодранную синюю хламиду, пояс украшен шнурками, непонятными талисманами и отполированными косточками, заметен маленький белый череп — уж не детский ли? Словом, красавчик, каких поискать. Даже приятели охотников,rudnenские упыри — уж на что непривлекательные! — показались бы рядом с этим уродом прекрасными принцами из детских сказок.

Самое смешное было в том, что охотничий амулеты Ночных Стражей никак не отреагировали на появление страшилища, хотя и Конану, и Гваю было совершенно ясно: перед ними самая образцовая, подлинная и неподдельная нечистая сила. Причем запросто появившаяся при свете дня и ничуть не обращающая внимания на солнечный свет, для любой уважающей себя нечисти губительный.

Амулет Стражи не может ошибиться, это невозможно! Не-воз-мож-но!

— Кыш отсюда! — рявкнул Конан. Надо ведь было хоть что-то сказать? Клинок варвара покинул ножны будто совсем без участия человека. — Гвой?

— Что?

— Мне эта штуковина не нравится!

— Сочувствую... Мне тоже!

Во времена буйной и неразумной молодости Конан атаковал бы первым, однако возраст, опыт и старые шрамы ясно говорили: когда встречаешься в чем-то непонятным и наверняка опасным, лучше не геройствовать попусту, а посмотреть, как ведет себя предполагаемый противник.

Противник не двигался, просто стоял и смотрел на людей — к удивлению варвара не враждебно, а, скорее, заинтересованно. Иногда отвергал зубастую пасть и издавал странные звуки напоминающие курлыканье голубя в смеси с шипением раздраженного кота.

Все кончилось так же внезапно, как и началось — стоило киммерийцу отвести взгляд на Гвайнарда (все-таки он здесь командует и ему решать, что делать дальше!) и снова посмотреть на нежданного гостя, как...

— Исчез, — выдохнул Конан. — Куда он делся?

— А я знаю? — зло сплюнул Гвой. — Чума на мою седую голову! Может, это призрак был?

— Непохоже, — киммериец шагнул вперед и указал на царапины, пробороздившие гранит. — Следы когтей, причем очень крепких и острых. Оно было вполне материально, как сказал бы мой знакомый волшебник Пелиас.

— Вопрос в одном: что «оно» такое?.. Признаться, ничего похожего раньше не видел. А ты?

— Я похож на человека способного видеть подобные гнусности?

— Вот балбес... Ладно, поехали домой. Мне все больше и больше не нравится эта

история!

Глава третья

*В которой дракончик убивает овец,
а Рэльгонн повествует об истории падения
Кхарии и своей встрече с демоном Бездны*

Возле дома охотников ждали. У ворот переминались с ноги на ногу четверо кметов самого хмурого облика и стояла укрытая грубой холстиной повозка. Конан невольно выругался — неужто началось?

— Долгих лет, месьоры, — самый большой и бородатый вышел вперед и церемонно поклонился. — За защитой пришли...

— От кого? — сдвинул брови Гвайнард. Он тоже предполагал худшее, очень уж скверно выглядел монстр, которого они с Конаном видели в старой крепости. Не иначе, дух голода снова начал охоту.

— Не погнушайтесь глянуть, — кмет отбросил холстину и эпическим жестом указал на нечто бесформенное и залитое кровью. — Истинное разорение, месьоры. Третья овца за день.

Охотники переглянулись. Труп (вернее, набор обглоданных костей и разорванная шкура) действительно принадлежал овце. Напади на бедное животное стая волков, останки и то выглядели бы попристойнее.

— Ее что, через мельничные жернова пропустили? — поинтересовался Конан.

— Не-е, — помотал головой бородач. — Наш мельник не дозволил бы. Овечку невиданная чуда насмерть съела. Дракон, не иначе.

Пришлось пригласить визитеров в дом, госпожа Тюра поставила на стол в «Арсенале» жбан с пивом и уплыла на двор, оставив Ночных Стражей самостоятельно разбираться с несчастьем, достигшим косноязычных кметов.

Выяснилось следующее: «чуда» объявилась на выпасе у близлежащей деревни Витта на самом рассвете и коварно напала на овечий гурт. Насмерть перепуганный пастух ринулся в деревню за подмогой, но когда вооруженные дрекольем, вилами и топорами мирные поселяне примчались к месту событий, хищник уже улетел.

Второе нападение случилось после полудня, а третье — когда солнце начало клониться к закату. Последнюю овцу летучий зверь, считай, почти не тронул.

Во всяком случае, не доел. Труп первой жертвы кметы не поленились притащить в город — предъявить охотникам.

Внятного описания монстра, злодейски истребившего невинных овечек, от бестолковых деревенщин добиться не удалось. Во-первых, он «летал». Во-вторых, «зубищи огромные» (это охотники и сами поняли, внимательно осмотрев то, что осталось от овцы). В-третьих, «шипит, ровно змий», а «глаза горят пламенем». Гвай повздыхал, сказал, что они с Конаном завтра поутру обязательно приедут и разберутся, что за «дракон» осчастливил своим визитом обитателей Витты.

Кметы возмутились — сегодня надо! Разорение! Овца — она денег стоит. А уж мы примем честь по чести, накормим-напоим. Только избавьте от лютого зверя!

Гвайнард вопрошающе посмотрел на киммерийца, но Конан только поморщился.

Кодексом Ночной Стражи предписывается незамедлительно оказывать помощь всем нуждающимся только в случае, если чудовище нападает на людей. Овцы могут подождать. Это и было объяснено варваром на понятном для кметов языке — громко, угрожающе и с битьем кулаком по столу.

Деревенские мигом уяснили смысл речей Конана и предпочли не спорить со здоровенным охотником — завтра, так завтра. Овечек пока в хлеву держать будем. С тем и откланялись.

— Утренний дракончик, надо полагать? — полуутвердительно-полувопросительно сказал Конан, когда бородатые просители были ненавязчиво выставлены за дверь. — Помоему, с этим делом мы справимся моментально. Обычный хищник, врожденной магией или не владеет, или она слабенькая.

— Вероятно, какое-нибудь животное, сохранившееся с древних времен, — поддержал варвара Гвайнард. — Леса на Полуночи вырубаются, зверя спугнули, он наткнулся на людей и легкую добычу в виде овец... Обычное дело, я с такими случаями сталкивался. Никакой это не дракон, ясное дело. Завтра проверим, хищники обычно не уходят со своих охотничих угодий, особенно когда можно поживиться не прилагая больших усилий.

Ты лучше подумай о той страхолюдине, которую мы видели на развалинах...

Вплоть до захода солнца Конан и Гвай занимались тем, что учеными мужами тарантской Обители Мудрости снисходительно именуется «неприкладным умствованием». Строили самые невероятные предположения, перемывали косточки как непутевому герцогу Ландерику, так и всевозможным монстрам, когда либо встречавшимся на пути киммерийца или Гвая. Договорились до того, что если таинственный «молберан» все-таки объявитяся, придется снова обращаться к старому знакомцу Конана — Тот-ан-Хотепу из Назирии.

Киммериец терпеть не мог стигийцев, хотя вовсе не был одинок в своих чувствах — к мрачным колдунам из далекой полуденной страны во всей Хайбории относились с подозрением, а то и открытой неприязнью. Однако, несколько зим назад, в свою бытность капитаном «Тигрицы», варвар предпринял очередную невероятную авантюру — решил поискать пиратского счастья на побережье Стигии, там, куда не отваживались соваться самые отчаянные корсары с Барахских островов. Белит, отважная подруга киммерийца, поддержала Конана — сокровищницы древних пирамид и храмов славились своим богатством, а корсары с «Тигрицы» отчаянно нуждались в золоте.

Полностью рассказывать эту историю бессмысленно, стоит лишь упомянуть о малоизвестных подробностях. Конан предпочитал не распространяться о том, что случайно познакомился с путешествовавшим инкогнито магом Черного Круга по имени Тот-ан-Хотеп, с которым и заключил очень выгодное соглашение: колдун показывает киммерийцу и его друзьям где находится таинственная Янтарная гробница, едва ли не доверху набитая золотом и цветными камешками, а Конан помогает Тот-ан-Хотепу избавиться от призраков, оберегавших названную гробницу от посягательств чужаков. Одно условие: колдун заберет хранящуюся в склепе старинную рукопись, а все остальное по праву перейдет во владение пиратов. По рукам?

Уже в те времена Копан догадывался, что иные рукописи могут стоить куда дороже целой золотой горы, но связываться с магией решительно не желал — кому потом продашь свитки? Тот-Амону? Поэтому варвар и Белит выбрали вполне материальное и такое понятное золото, призраки Янтарной гробницы (пусть и с огромным трудом) были уничтожены, а

колдун безоговорочно выполнил условия сделки — «Тигрица» ушла из Стигии с трюмами, заполненными сокровищами.

Конан расстался с Тот-ан-Хотепом может быть и не испытывая к магу дружеских чувств, но счел его «человеком честным». Встретиться со стигийцем удалось лишь по прошествии многих зим — то есть этим летом, когда охотники взялись за поиски исчезнувшего отряда Ночных Стражей из Немедии. Колдун вспомнил варвара и снова не отказал в помощи — видимо, слухи о том, что колдунам чувство благодарности неизвестно, отчасти преувеличены.

...Стемнело, а значит пришло время ночных существ, не выносящих лучей солнца. Далеко не все подобные твари опасны для человека — прямым тому доказательством являлся Рэльгонн, эрл Рудны, заброшенного замка стоящего в нескольких лигах от Райдора.

Старый вампир объявился как только померкли последние сполохи заката. Как и обычно он возник из пустоты пряником в «гостевом» кресле, отбросил со лба капюшон и явил миру лысую голову, острый нос, замечательные золотые глаза и зубастую улыбку, при виде которой любая впечатлительная девица немедленно упала бы в обморок.

По человеческим меркам Рэльгонн бы очень некрасив, даже уродлив, но всем известно, что внешность еще ничего не значит — по опыту долгих путешествий Конан отлично помнил писаных красавчиков являвшихся кровожадными злодеями, и отвратительных горбунов раздавших все свои деньги вдовам и сиротам. Ну а поскольку киммериец давно привык к умному и благовоспитанному упырю, варвар немедленно взял кубок и плеснул в него вина: пиво Рэльгонн недолюбливал.

— Доброго вечера, — поприветствовал охотников упырь. — Куда подевались Асгерд с Эйнаром?

— Уехали в Анвольд, — пояснил Гвай. — Надо кое-что выяснить.

— Зачем было тратить время? — искренне удивился Рэльгонн. — Думаю, вы отлично знаете, что я и мои сородичи способны раздобыть для Ночной Стражи любые сведения не прилагая к тому лишних усилий. Что-нибудь случилось?

— Пока нет, но... Рэль, ты живешь в нашем мире не одно столетие, да и память у тебя исключительная. Нам действительно требуется помощь.

— Я так и знал, — покивал вампир. — Дело серьезное?

— Да тут не одно дело, а целых два, — отозвался Конан. — Дракон и... И некая кхарийская мерзость, о которой известно только то, что она существует.

— Забавно, — усмехнулся упырь. — Дракон? Кхарийцы? Откуда они могут взяться в наши просвещенные времена?! Рассказывайте!

* * *

— Так-так, — Рэльгонн побарабанил тонкими пальцами с длинными ухоженными ногтями по деревянной столешнице. — Великий голод 1121 года по аквилонскому счету. Отлично помню это неприятное событие. Будто вчера случилось.

Конан промолчал, отлично зная, что упыри-каттаканы твари если не бессмертные, то весьма долгоживущие. Рэльгонн мог говорить о том, что происходило тысячу зим назад без

особых затруднений, времени для вампира будто не существовало.

— Знаете, месьоры, у меня тогда создалось впечатление, что голод был вовсе не случаен, — начал Рэльгонн, попутно отхлебывая из серебряного кубка. Упырь вольно развалился в кресле, а это значило, что повествование будет долгим и обстоятельным. — Я видел Ландерика несколько раз и он произвел самое неблагоприятное впечатление.

— Видел? — не понял киммериец. — Сам?

— Ну конечно. Каттаканы способны принимать обличье человека, если это потребуется. Мне приходилось бывать в старом замке, когда стало ясно, что Райдор катится в пропасть. Врожденное умственное расстройство, дурное воспитание, абсолютная вседозволенность... Это, знаете ли, не шутки.

— Не понимаю, как засуха и неурожай могут быть связаны с полоумным мальчишкой? — спросил Гвайнард.

— В этом мире, друг мой, все взаимосвязано. Человеческие прегрешения и гнев богов, но крайней мере, точно — надеюсь, никто из вас не отрицает того, что боги Хайбории способны оказывать существенное влияние на жизнь людей?

— Зачем наказывать всех, если набезобразничал один? — пожал плечами варвар. — И вообще, Рэль, забудь ненужную философию и говори по делу.

— Я и говорю по делу, — обиделся упырь. — Хотите живописных подробностей? Пожалуйста. Герцог в сегодняшней беседе с Гваем либо существенно преуменьшил сомнительные заслуги своего бешеного родственника, либо ничего о них не знает. Я неплохо изучил людей и знаю, что в семейных преданиях вы предпочитаете хранить память о героических и добродетельных предках, одновременно напрочь забывая о мерзавцах, пятнающих честь рода. Думаю, вам будет интересно узнать, что Ландерик содержал обширный гарем в котором похищенные девицы удерживались насильно. Не только девицы, кстати... Вдоволь наслушавшись с очередной жертвой этот милый юноша обычно отправлял ее на заклание — Варт упоминал, что Ландерик интересовался магией? Причем именно черной магией, некромантией, в которой без человеческих жертв не обойтись.

— Некроманты обычно приносят в жертву девственниц, — тоном знатока заявил Конан.

— Вовсе не обязательно, — отмахнулся Рэльгонн. — Это распространенное заблуждение. Еще в подвале замка имелся весьма глубокий колодец, в который сбрасывали останки убитых. Воображаю, как там воняло... Но самое интересное вы еще не слышали. Знаете, что такое ритуальное поедание плоти?

— Иштар Добросердечная... — киммериец сложил пальцы в охранный символ, отгоняющий силы зла. — Я знаю. Видел в Стигии, когда мы путешествовали с Белит. Это один из самых зловещих и отвратительных ритуалов, им брезгуют даже маги Черного Круга получившие высшее посвящение! Такие забавы в ходу только у изгоев, магов-одиночек не входящих в конclave и полностью отдавших свою душу Черной Бездне!

— Ты правильно сказал, именно Черной Бездне, — согласно кивнул упырь. — Тьма, которой поклоняется Черный Круг Стигии и из которой черпает магическую силу, не является абсолютным злом, равно как и Свет Митры — абсолютным добром. Средоточие истинного, первородного Зла — это Бездна. Да, она дает могущество, однако несет скорую гибель. Совсем как в истории с Аандериком.

— Ритуальное людоедство, — нахмурившись, повторил Гвайнард. — Ничего себе шуточки... Получается, что Ландерик сумел открыть проход между миром людей и обителью изначального Зла? В старых рукописях говорится, будто Кхарийскую империю погубило

влечение магией Бездны!

— Правильно, — сказал Рэльгонн. — Объяснить подробнее?

— Давай, — согласился Конан. — По крайней мере это поможет нам понять, что случилось в Райдоре сто шестьдесят зим назад.

— Сто шестьдесят четыре, — дотошно уточнил упырь. — Я был свидетелем событий, разворачивавшихся на Закатном материке во времена гибели Ахерона и могу описать их подробно.

— Ночь впереди длинная, — пожал плечами Гвайнард. — А нам с Конаном на самом деле интересно.

* * *

...Это может прозвучать странно, но великое государство Кхарии, именуемое так же Ахероном, и просуществовавшее более двух тысяч зим не оставило после себя почти никаких следов. Это вовсе не означает, что кхарийцы не являлись талантливым и многоученым народом — сохранившиеся единичные рукописи, трактаты, развалины зданий, непреложно свидетельствуют: Империя действительно достигла больших высот во многих областях человеческих знаний, а особенно в магии.

Именно магия и стала главной причиной падения Кхарии.

В последние десятилетия Ахерона жизнь в государстве проистекала довольно вяло и благополучно. Ради блага сравнительно небольшого народа трудились сотни покоренных племен, армия отвыкла от больших войн и растеряла славу самого непобедимого и дисциплинированного войска обитаемого мира, владыки Кхарии увлеклись колдовством, в котором видели основу своей власти и безопасности. Империя постепенно подтачивалась изнутри и было достаточно одного сильного удара, чтобы этот колосс рухнул, и более не поднялся.

Ударов было нанесено сразу несколько, причем каждый из них являлся смертельным. Во-первых, многочисленные племена хайборийцев, явившиеся с Полуночи и Восхода начали войну за порубежные провинции Кхарии, а когда вожди варваров уяснили, что слухи о несокрушимой мощи имперской армии несколько преувеличены, началось вторжение несметных дикарских орд на земли Ахерона.

Во-вторых, после нескольких крупных поражений, когда ситуация стала угрожающей, правители Империи приняли решение не стесняться в средствах и использовать в войне могучее колдовство Черной Бездны. Последствия этого шага стали роковыми, и вот почему. Последние императоры сделали ставку не на отпор хайборийцам всеми доступными военными силами, а на свои знания в магии.

Результатом изощреннейших магических опытов стало появление на землях Закатного материка невероятного количества монстров, созданных кхарийцами — как ни странно, эти твари не только представляли собой значительную опасность, но и подчинялись своим хозяевам-людям. Однако, лихие опыты подданных Ахерона закончились плачевно — природа не вынесла столь невероятного надругательства над собой, мир переполнился магией и она неожиданно вышла из-под контроля кхарийцев.

Всем известно, чем является так называемая «Буря Перемен» — буйство сорвавшегося с цепи колдовства, когда заклинания не направляются волей мага, а действуют сами по себе, переплетаясь в самых невероятных сочетаниях. Подобные магические штормы способны натворить немало бед, однако они всегда кратковременные — обычная Буря Перемен продолжается не более суток, вдобавок это явление считается крайне редким и встретиться с ним можно исключительно в странах, где волшебство доселе является главным занятием большей части подданных — в Гиперборее и Стигии.

Катастрофа, произошедшая в Кхарии, являлась своеобразной Бурей Перемен, только продолжалась она несколько зим и захватила огромные территории. Взбесившееся бесконтрольное колдовство уничтожало целые города, порождало к жизни совсем уж невиданных чудовищ, открывались врата в мир Черной Бездны, откуда вылезали такие мерзопакостные демоны, что и подумать страшно. Заигравшиеся с магией кхарийцы сами погубили свое государство и свой народ, ужасный колдовской штурм бушевавший над материком не щадил никого и ничего, хотя, надо признать, на некоторое время остановил хайборийское нашествие.

Происходили невероятные искажения пространства, тварной материи и времени, волны магии, подобно морскому прибою, уничтожающему песчаные домики на пляже, стирали с лица земли селения и храмы, люди сходили с ума или просто-напросто исчезали из Средней Сфери, перемещенные магией в такие места, о которых лучше не говорить перед наступлением ночи. Бесчинствовали вышедшие из подчинения кхарийцев монстры, которые, вдобавок еще и скрещивались меж собой, давая потомство, являвшее собой абсолютно непредсказуемых и невиданных зверюг...

Буря, исчерпав себя, закончилась спустя десять-пятнадцать зим, и к этому времени благоразумно отступившие на Полночь хайборийцы могли взять остатки Кхарии голыми руками, поскольку от Империи осталось несколько жалких обломков, крошечных государств, от части сумевших защититься от магического шторма. Дальнейшее представить несложно: разрозненные княжества были уничтожены, на троны вновь образовавшихся государств взошли самые выдающиеся вожди хайборийских племен, святой Эпимитриус вместе с первыми королями, Алькоем и Олайетом, начали создавать на груде развалин, оставшейся от Кхарии, Аквилонию и Немедию, а у наших предков появилось новое увлекательное и опасное занятие — устраниТЬ последствия колдовской бури. Именно тогда и появилась гильдия Ночной Стражи, которая взялась за уничтожение бродивших по землям континента монстров, уцелевших после падения Ахерона.

Кхария не оставила после себя практически ничего — цивилизация была уничтожена. Хайборийцам пришлось не восстанавливать ушедший в небытие мир, а буквально строить его заново. Все знания хайборийцев, алфавит, все достижения мысли и разума, все что сделано руками людей — все это принадлежит только хайборийцам. Да, такие города как Тарантия или Бельверус построены на древних кхарийских фундаментах, да люди помнят о том, что тысячу триста зим назад одна цивилизация сменила другую, но все прочее наследие Кхарии сгинуло. Кроме, увы, сохранившихся в отдаленных чащобах монстров и древней магии Ахерона, которая изредка дает о себе знать. Как например, в случае с Ландериком Райдорским.

...Материк бился в судорогах, порожденных чудовищным магическим штурмом, бушевавшим на протяжении полутора десятков зим, давали о себе знать последние отголоски колдовской бури, сметавшей на своем пути целые области государства, а

зловредные хайборийцы продолжали наступать на владения императора Ахтонотепа получившего прозвище «Последний», безжалостно уничтожая последние остатки Империи.

Надо заметить, что благодаря умелым магам столицы Кхарии Пифон выстояла во времена долгой Бури Перемен и разрушению не подверглась — колдуны смогли защитить город-дворец от магии, однако были бессильны остановить приближающиеся орды варваров, как ни старались...

Настал страшный день: к стенам Пифона, защищал каковой сравнительно немногочисленный отряд гвардии императора, подошло неисчислимое войско Алькоя. Справедливости ради стоит заметить, что совсем уж «неисчислимым» оно не являлось: хайборийцев было около двенадцати тысяч, что примерно соответствует трем нынешним аквилонским легионам.

Пифон, однако, был неплохо укреплен и мог выдержать сравнительно долгую осаду, но что значит полторы тысячи гвардейцев против восьмикратно превосходящего по силам противника? Не успеешь отбить один штурм, как сразу начинается другой. Придворные маги Ахтонотепа тоже участвовали в отражении атак Алькоя, использовали самое изощренное боевое волшебство, но хайборийцев все равно было слишком много, да и подкрепления к ним подходили с пугающей регулярностью.

Приблизительно на шестой-седьмой день активной осады, стало ясно — Пифон не устоит, а это значит, что Кхария окончательно прекратит свое существование. Сдаваться или договариваться с врагом смысла не имело, поскольку хайборийцы пленных не щадили, да и хотелось им поглядеть, что за секреты таятся в огромных сокровищницах императорского дворца — эти варвары совсем как дети, все забывают при одной мысли о красивых и блестящих побрякушках...

Начался решительный штурм. Ахтонотеп и его приближенные уяснили — это конец. И тогда было принято решение использовать самые крайние меры, сиречь открыть прямой проход между миром людей, и Черной Бездной, обителью Первозданного Зла. Каков смысл? Да очень просто! Оттуда немедленно полезут орды демонов, которым все равно кого убивать — кхарийцев или хайборийцев. Маг, имя которого история не сохранила, пообещал Ахтонотепу, что сможет укрыть императорский дворец магической завесой, которая защитит его от иномировых чудовищ, а когда все закончится, портал в Бездну будет захлопнут.

Как всегда получается в подобных случаях, этот красивый и почти беспроигрышный план пошел кувырком с самого начала. Двор императора и остатки гвардии укрылись во дворце (большая часть Пифона к этому времени уже была захвачена варварами), колдун забрался в свою башню и начал священнодействовать, если, конечно, данное слово применимо к проводимому им черному обряду.

Проход в Бездну открылся, да только не совсем туда, куда требовалось — известно, что Нижняя Сфера неоднородна, там существует несколько разных областей, в которых живут совершенно различные разновидности демонов. Причем, эти существа, подобно людям, враждуют между собой и борются за влияние в Бездне ничуть не хуже, чем мелкие дворянчики, ведущие свои «частные» войны за владение каким-нибудь лесом или плодородным полем, которое непременно следует оттяпать у соседа.

Маг рассчитывал связать порталом столицу и ту область Нижнего Мира, что именуется «Огненной бездной», населенной тварями под названием «баатэзу» — единственными демонами, с которыми человек был способен договориться и которые могли подчиняться приказам знающего волшебника. Но произошла ошибка — или заклинание было записано

неверно, или просто маг слишком торопился...

Произошла катастрофа. Огненное кольцо портала, возникшее в самом центре Пифона, выплеснуло из себя жутчайших тварей, ранее в обитаемом людьми мире невиданных, причем преобладали среди них таннари, демоны хаоса. Это были абсолютно безжалостные и жуткие чудища, ненавидевшие все и вся, включая своих собратьев по Бездне, на которых таннари сразу же и набросились. Кроме того, таннари было решительно плевать на всякие там магические защиты, созданные жалкими людышками, будь они волшебниками хоть в тысячном колене.

Летопись умалчивает, что именно творилось в Пифоне в тот знаменательный день, но известно, что чудом выживший в этой безумной заварухе Алькой увел из-под стен полностью разрушенного Пифона всего лишь четыреста человек. Этот несомненный факт дает представление о происходившем в столице империи кошмаре.

Не сумевшие вернуться в свой мир чудища разбрелись кто куда и по мере сил продолжали пакостить людям, дымящиеся руины Пифона стали проклятым и запретным местом, о котором вскоре забыли, а последний император Ахтонохеп погиб вместе со всеми остальными.

На этом история Кхарийской империи прервалась навсегда.

* * *

— Потрясающе, — покачал головой Гвайнард, когда упырь закончил свою повесть. — Таким образом, можно сделать вывод, что Ландерик сумел повторить то, что удалось кхарийцам — открыть врата в Бездну? Откуда и выполз наш молберан?

— Врата — это слишком громко сказано, — усмехнулся Рэльгонн. — Силенок не хватило. Можно использовать слово «прореха», червоточина, тончайшее отверстие. Все-таки, когда создавался наш Универсум, границы между Верхней, Средней и Нижней Сферами были установлены надежные. Однако, хватило и прорехи — изначальное зло проникло во Вселенную людей. Зло настолько всепоглощающее и разрушительное, что последствия оказались самыми катастрофическими. Голод охватил почти все земли Полуночи, пострадал не только Райдор, но и вся Британия, Пограничье, полуденные области Немедии.

— Сил вырвавшегося из Бездны демона на большее не хватило, — заключил киммериец. — Он потерял связь со своей Сферой из которой черпал мощь, а значит... Я догадался!

— О чем? — вздернул брови Гвай.

— Сорок одна зима! Четырежды семь и тринадцать! Демон потратил все свои силы и вынужден накапливать их на протяжении этого срока только для того, чтобы выжить во враждебной ему Средней Сфере! Понимаете?

— Кажется... — пробормотал Гвайнард. — Кажется, понимаю! Мир человека для чудовищ Бездны изначально враждебен, не имея постоянной подпитки из Вселенной Зла они гибнут! Гибнут, если не убивают, питаясь силой человеческих душ! Это во всех книгах написано!

— Я всегда знал, что вы, молодые люди, сообразительны и талантливы, —

удовлетворенно кивнул Рэльгонн. — Конан, я тебя поздравляю — ты снова доказал, что разум варвара иногда способен превзойти мыслительные способности самых многоученых старцев. Демон не может вернуться домой, так?

— Так! — хором ответили охотники.

— Он на некоторое время впадает в спячку, а когда поддерживающая его существование сила начинает иссякать, просыпается, и начинает охоту. Подкрепившись, снова отправляется в свое логово на сорок одну зиму. Вот и разгадка!

— Но почему монстр не напал па нас в старом замке? — спросил Конан.

— Он еще слишком слаб, а вы могли оказать серьезное сопротивление, — разумно ответил Рэльгонн. — Между прочим, я не уверен, что вы видели именно молберана...

— А кого же еще? — изумился киммериец.

— Не знаю, месьоры. Не знаю. Впрочем, мой рассказ о трагедии, постигшей Кхарию, прервал более насущную беседу.

— Ландерик и его загадочная гибель, — согласился Гвайнард. — Причины, вызвавшие бедствие, нам понятны. Но что же происходило в Райдоре осенью и в начале зимы?

— Ровным счетом ничего хорошего, — вампир издал звук, похожий на грустный вздох. — Не уверен, что вас порадуют описания того, как ветер гнал по лесам огонь лесных пожаров и его волны пожирали отдаленные селения. Или как люди охотились на себе подобных, будто на диких зверей — только для того, чтобы добыть еду.

Это было время всеобщего безумия, крови, страха и смерти. Могу сказать уверенно — ничего похожего не происходило со времен Кхарийской войны. Засухи и неурожаи случались, но такого страшного голода Полночь раньше не видела.

— Надеюсь, и впредь не увидит, — буркнул Конан. — Рэль, ты ведь невероятно любопытен, владеешь магическими способностями, любишь приключения, а кроме того тебя невозможно убить...

— Почти невозможно, — вежливо улыбнувшись, поправил вампир.

— В любом случае, с любым недоброжелателем-человеком ты справишься. Даже с десятком и сотней, верно?

— Я этого никогда не отрицал.

— Чудовища и демоны тебе тоже не страшны...

— Смотря какие, — фыркнул Рэльгонн. — Кажется, я знаю, о чем ты хочешь спросить. Встречался ли я с молбераном? Безусловно, я хотел его отыскать, особенно когда почувствовал возмущения в пронизывающем мир поле колдовской силы и понял, что Ландерик ухитрился проникнуть в запретную область Трех Сфер... Разочарую: эта тварь оказалась неуловима. Почти неуловима. Но я видел духа голода. Пускай и очень недолго.

— Молберан похож на то существо, которое мы встретили днем?

— Если верить вашему описанию — нет. Это было что-то другое, поверьте па слово.

Конан не нашелся, что ответить. Сразу три монстра — это чересчур! Молберан, охотящийся на овец дракончик и тварь с синей рожей обитающая на руинах старого замка...

— Нужны подробности, — сказал Гвайнард. — Опиши его. Как выглядел, как себя вел, что делал?..

Каттаканы из Рудны, навсегда застрявшие в Хайбории и не имеющие возможности вернуться в свой мир, невероятно скучали. Еще бы — когда срок твоей жизни исчисляется тысячелетиями, заскучать немудрено. Единственным развлечением было общение с людьми, но далеко не всякий человек способен принять в своем доме желтоглазое и зубастое существо, вдобавок являющееся самым настоящим вампиром — люди почему-то недолюбливают других разумных тварей, а то и открыто с ними враждают. Однако, упыри умели маскироваться и менять обличье так, что от человека и не отличишь, особенно ночью — днем каттаканы отсыпались в глубоких подземельях своего замка.

Конан знал, что Рэльгонн и его немногочисленные сородичи отказались от употребления человеческой крови, и никогда не испытывали неприязни к людям — в конце концов, упыри заслужили доверие со стороны гильдии Ночной Стражи, а это о многом говорит. Охотники не считают каттаканов «чудовищами» — да, они другие, для поддержания жизни и продолжения рода им требуется живая кровь, но если упыри не трогают людей, значит и относиться к ним следует как к дварфам, альбам или иным существам, обладающим разумом и речью.

Каттаканы редко вмешивались в дела людей, предпочитая лишь наблюдать и иногда втихую помочь своим бестолковым соседям разрешить возникающие трудности. Благодарности упыри не ждали — Рэльгонну однажды не повезло: будучи в обличье «летучей мыши» он попался в лапы кметов, которые с воплями «Вампир! Бей!» отрубили ему все конечности и голову, грудь проткнули колом, а останки сбросили в яму, которую засыпали жгучей известью. Восстановившись после этого печального случая каттакану пришлось больше года. Ныне Рэльгонн рассказывал о произошедшем с юмором, но всегда добавлял: «Боюсь, вы не можете в деталях представить, что я тогда чувствовал...»

Впрочем, иногда упыри действовали открыто и весьма активно. Примером тому может быть история с графом Риком из поместья Антор, случившаяся четыреста с лишним зим назад. Жуткий был человек — тиранил своих кметов, грабил проезжающих на дорогах, набрав шайку головорезов даже осмелился осаждать замок герцога, тот самый, старый... А когда он во всеуслышанье пообещался истребить рудненских вампиров, слухи о которых ходили по всему Райдору, каттаканы решили показательно истребить его самого.

Рэльгонн с сородичами избавили Райдор от дикаря и варвара с графской цепью на шее и подтвердили свою репутацию кошмарных упырей, Способных на самые черные злодейства — вампиры зажрали графа Рика прямиком на пиру, в его замке. Как существа не чуждые страсти к прекрасному, каттаканы обставили покушение на графа со всей надлежащей помпой — красивые магические эффекты, фонтан крови из шеи его графской милости, хохот и завывания... Это было великолепное действие. А поскольку общее представление о вампирах у людей тогда давно сложилось и все полагали, что укушенный упырем человек сам превращается в ночного монстра, с графом поступили примерно так же, как некогда с самим Рэльгонном — приближенные забили в грудь Рика деревянный кол, тело сожгли, пепел смешали с глиной, дождались пока она застынет и выбросили в озеро.

Жуткая слава требовалась каттаканам только ради собственной безопасности — Рэльгонн не желал, чтобы любопытствующие наносили визиты в его замок или устраивали «охоту на вампиров». Пускай боятся. Ясное дело, что люди накрепко уяснили нехитрую истину: с упырями лучше не связываться и воспринимали семейство Рэльгонна как неизбежное и привычное зло, хотя каттаканы вовсе не являлись «злом» в привычном

понимании данного слова.

...Не взирая на близость Гипербореи, где колдунов было едва ли не больше, чем в Стигии, герцогство Райдорское никогда не могло похвастаться наличием сколь-нибудь серьезных магов — великие конclave не интересовались Бритунией, считая это королевство чересчур отдаленным. В деревнях можно было встретить ведунов и знахарей, обладавших некоторыми магическими способностями, но и только — ни один стоящий волшебник в провинцию не поедет, развернуться негде. Вполне естественно, что каттаканы почувствовали, как в Хайборию выплеснулся поток колдовской силы Черной Бездны и немедленно заинтересовались, кто и каким образом сумел нарушить равновесие между Сферами.

Рэльгонн моментально понял, что положение складывается серьезное. Настолько серьезное, что даже нашествие на Райдор колдунов Стигийского Круга в полном составе показалось бы не страшнее весенней грозы: всем известно, что Тьма Сета не несет в себе разрушения. Стигийцам и их покровителю-Сету нужен порядок — порядок в их понимании конечно, — по вовсе не хаос. Сила Черной Бездны, наоборот, порождает только истребление и смерть, что было наглядно доказано кхарийцами, погубившими самих себя, свою империю и едва не приведших мир к гибели.

Каттаканы поняли, что надо действовать — черное колдовство Бездны угрожало не только людям. Однако, было поздно: проникший в Хайборию демон разрушения не имел устоявшегося облика, это был просто сгусток силы; силы ненавидящий жизнь и стремящийся к ее уничтожению.

Магия пропитала землю, деревья, не проросшее зерна, начала оказывать воздействие на людей... Колдовских способностей каттаканов не хватило для того, чтобы изгнать монстра обратно в Нижнюю Сферу, да они и не сумели бы это сделать.

Как поступить? Оставаться безучастными наблюдателями, надеясь, что равновесие восстановится само собой? Что человеческая Вселенная растворит в себе чужеродную силу — Хайбория выдержала несравнимо более тяжкий удар во времена падения Ахерона! Или все-таки начать охоту на незваного гостя?

К чести упырей можно сказать, что они решили попытаться. Осталось лишь выяснить, как можно уничтожить демона Бездны.

Рэльгонн, для которого не существовало расстояний, отправился в Стигию — покопаться в обширнейшей библиотеке Птейона без ведома ее хозяев и найти хоть какие-нибудь сведения о порождениях Первозданного Мрака.

— Ты сумасшедший, — убежденно сказал Конан, перебив упыря. — Книгохранилище Птейона, ничего себе! Ты знаешь, как его охраняют?

— Знаю, конечно, — хихикнул упырь. — Магия, демоны-охранники, ловушки... И потом: кто здесь сумасшедший? Судя по твоему восклицанию, один мой знакомый варвар из Киммерии тоже хотел приобщиться к этому кладезю мудрости?

— Было дело, — подтвердил Конан. — Семь зим назад. Едва ноги унес, честно говоря. Меня... гм... попросили забрать из библиотеки один старинный свиток, назначили хорошую награду и...

— Потом расскажешь, — оборвал варвара Гвай. — Рэль, что было дальше?

— К сожалению, ничего, — развел руками каттакан. — Бороться с невоплощенным демоном практически невозможно, нельзя же поймать луч света, к примеру! Благодаря прочитенным кхарийским рукописям я понял, что чудовище постепенно начнет терять силу и

принимать телесный облик — в противном случае оно погибнет, попросту «растает», растворится в окружающем Среднюю Сферу магическом поле... Воплощаться демон мог довольно долго, от полугода до нескольких зим, все зависело от того, как быстро он растрачивал свою мощь.

— Выходит, он буйствовал вплоть до наступления зимы? — уточнил Гвайнард. — А после воплощения уничтожил Ландерика, окончательно исчерпал силу и заснул?

— В целом, ты прав. Но вначале он отравил первородным злом земли от Кезанки до Немедийских гор — вот в чем истинная причина засухи, неурожая, пожаров, обвалов на рудниках и людского безумия. Понятно, что хуже всего пришлось райдорцам, прочие области королевства и ч^оседних стран задело лишь отчасти.

— И когда же ты понял, что демон начал воплощаться?

— Тело для него являлось своего рода сосудом, в котором можно, удерживать оставшуюся силу, — начал объяснять Рэльгонн. — Но где его взять, вот вопрос? Правильно, надо убивать и... скажем так, использовать тела жертв. Мы очень внимательно следили за всем, что происходит в округе пятидесяти лиг от Райдорского замка — люди умирали десятками и сотнями, особенно когда ударили неожиданно ранние и жестокие холода.

— Тоже работа демона? — спросил варвар.

— Разумеется. В первую осеннюю луну уже выпал снег. Но потом внезапно потеплело, а в баронстве Равен самым жесточайшим образом было убито несколько человек из числа выживших. Понимаете, что это означало и каков был наш дальнейший план?

— Достаточно уничтожить тело воплощения, и у демона не хватит сил воплотиться вновь. Значит, он довольно быстро погибнет... — поразмыслив, сказал Гвайнард. — Боги всеблагие, как же вы умудрились его упустить?!

— Не надо думать, что каттаканы всесильны, — мрачно ответил Рэльгонн. — Мы владеем недоступными человеку способностями, мы сильны, живучи, особой глупостью не отличаемся и можем перемещаться через Ничто, однако противостоять демонам можем далеко не всегда. У нас есть важное отличие — мы живые существа. Живые, ясно? А молберан — не-живой. Это даже не грубая подделка под жизнь, наподобие иранистанских гулей, а полное отсутствие жизни. Разум у него есть, это бесспорно, но понятия «разум» и «жизнь» далеко не всегда совместимы!

— Не кипятись, — махнул рукой Конан. — Упустили, так упустили, что поделаешь...

— Думаете, мы не пытались просить помощи у вашей гильдии? — грустно улыбнулся Рэльгонн. — У магов? Пытались, конечно. Нам не поверили ни Хранители Ночной Стражи, ни глава конклава Золотого Лотоса, ни Тот-Амон, хотя маги Черного Круга очень ревниво относятся к своим соперникам и опасаются демонов Бездны — помнят, что они сотворили с Кхарией...

— Тот-Амон? — изумился киммериец. — Сто шестьдесят четыре зимы назад?

— Твой старый приятель тоже из числа «долгоживущих», — сказал упырь. — Он продлевает недолгий человеческий век с помощью волшебства. Тот-Амон — великий колдун, ты это знаешь не хуже меня.

— Надо же, — хмыкнул варвар, — а я всегда думал, что стигийцу зим пятьдесят... Неплохо сохранился. Почему не поверили-то?

— Возобладало ошибочное мнение о том, что вызвать демона Черной Бездны способен только высшего посвящения, а таких во всей Хайбории можно по пальцам одной руки пересчитать. Ни один из этих магов никогда не пойдет на подобный риск, уроки Ахерона не

забыты. Волшебники нынешних времен слишком твердо верят в устоявшиеся догмы, не понимая, что из любого правила всегда есть исключения.

Изначальное зло не только разрушительно, оно хитро и изворотливо. Человек, обратившийся ко злу, отдавший ему самое себя и обладающий определенными познаниями в области магии сам того не желая может открыть проход в Нижнюю Сферу...

Что и получилось у Ландерика. Я не уверен, что он искренне хотел этого — в молодом герцоге должна была остаться хоть толика благоразумия! — однако, последствия налицо.

— Могу сказать, что мы с размаху влипли в очень скверную историю, — заключил киммериец. — Чудовища из плоти и крови — это я могу понять. Демоны Сета тоже не особо страшны, с обычновенной нечистью мы расправляемся без лишних усилий. Но монстр, вылезший прямиком из Черной Бездны? Нет ребята, по-моему мы взялись за непосильное дело!

— Разве? — преспокойно сказал Гвайнард. — Вполне достаточно развоплотить демона до времени, пока он снова не наберет силу для следующей спячки. На сложные вопросы всегда можно найти простой ответ.

— Сначала поймайте, а уж потом развоплещайте, — сварливо ответил упырь. — Я не исключаю того, что молберан способен или «прыгать» через Ничто, или использует какую-то другую хитрость. В тот вечер, когда он расправился с Ландериком, его ближними и дружиной, мы устроили на демона «правильную охоту» — удрать из старого замка он бы не сумел» Я подозревал, что молберан обязательно придет к Ландерику, в подвале крепости устроил засаду мой дядя Ритагонн — как только он почувствует чужую магию, все каттаканы Рудны должны немедленно лететь в Райдор. Что мы собирались делать дальше, вы отлично понимаете.

Конан невольно поежился — он однажды видел, как слаженно и быстро нападают каттаканы. Атаку целой семьи упырей отразить невозможно: изменив форму тела на «летучую мышь» рудненские вампиры способны ударить по противнику в полете, поразить его магическими молниями или огненными шарами, каттаканы мгновенно перемещаются через Ничто, оказываясь за спиной врага, рвут его когтями и зубами... Словом, темный ужас. По мнению Конана, Рэльгонн вместе со своими родственниками стоили двух тяжелых легионов Аквилонской гвардии, а варвар не любил преувеличивать.

...Мы нагрянули в старый замок в самый разгар резни, — глядя па пламя очага сказал Рэльгонн. Огонь отражался в его круглых золотых глазах, придавая им тревожный багровый оттенок. — Вынырнули из Ничто в главной зале, не рассуждая и не считаясь с возможными жертвами среди оставшихся людей, атаковали... И — ничего.

— То есть как? — изумился киммериец.

— А вот так. Молберан промелькнул передо мной за какое-то мгновение, потом оглушил моего сына, Харагонна, его пришлось немедленно переправить через Ничто в Рудну и сразу вернуться... Монстр действовал с невероятной даже для нас быстротой, умудряясь одновременно убивать людей и уходить из-под наших ударов. Его ничто не брало — магия, оружие которое делают в мире каттаканов... До рассвета он убил всех слуг Ландерика, а самого герцога загнал в комнатку на вершине донжона. Нам пришлось вернуться домой.

— Неужели вы не сделали второй попытки?

— И вторую, и третью, и пятидесятую... Молберан постоянно находился в замке, заставляя Ландерика умирать от голода и жажды, но мы не сумели не только поймать его, а даже как следует рассмотреть. Хотите знать как он выглядит? А никак. Никакой устоявшейся

формы, никаких отличий. Бесформенный бурдюк, мешок... Не могу объяснить!

— Ну и ну, — вздохнул Конан. — Значит, убить его мы не сумеем?

— Не знаю! Просто не знаю.

— Разберемся, — уверенно сказал Гвайнард. — Если демон воплощен, значит его тело можно уничтожить. Придумаем что-нибудь!

Варвар предпочел промолчать.

Глава четвертая

*В которой появляется
Голодный Посланник,
а охотники встречают неожиданного союзника*

Как и ожидалось, Асгерд с Эйнаром вернулись сразу после рассвета, затемно выехав из баронства Анвольд, расположенного в трех лигах к Полуночному Восходу от Райдора. Киммериец и Гвай давно проснулись — хочешь не хочешь, а придется отправляться в деревню Витта и попытаться выяснить, что за зверь покушается на тамошних овечек. Если «дракон» действительно опасен, Ночные Стражи постараются отвадить его от человеческого жилья или попросту убьют — охотники единодушно полагали, что запросто управятся с маленьким летучим чудом, а уж потом возьмутся за более сложные проблемы.

Слегка перекусим и отправимся вместе, — заявила Асгерд. — Заодно расскажем друг другу, что удалось выяснить за вчерашний день. Надеюсь, вы без дела не сидели?

— Новости такие, что голова кругом идет, — буркнул Гвайнард. — Конан выразился предельно просто и ясно: мы влипли.

— Я тоже так думаю, — согласилась Асгерд, принимаясь за холодное мясо с овощами. — Эй-нар?

— Чего?

— Излагай. Ты у нас самый языкастый.

— Объехали пять деревень и хуторов, заглянули в баронский замок, — начал броллайхэн, попутно наливая себе горячего травяного отвара с медом. — Даже навестили знахаря-отшельника, живущего в лесной пещере. Вы его должны помнить, это старый Гупта из Лотара, в позапрошлом году он помогал нам с поимкой болотного ящера...

— Угу, — сквозь набитый рот подтвердил Гвай. — Живописный тип, таких как он осталось мало. Настоящий деревенский колдун. Ему, наверное, зим сто, отлично владеет магией природы, хотя, конечно, Гупту не сравнить с настоящими магами великих конклавов. Что он сказал?

— Как всегда, много громких и страшных пророчеств, — Эйнар покачал головой. — Сами знаете, что все знахари выглядят даже дурковатее нашего Аделарда. Люди не от мира сего. Если отбросить словесную шелуху, то получается, что Гупта знает о некоем монстре, просыпающемся через каждый сорок один год и называет его «Голодным Посланником». Он приходит обычно в конце лета, и тогда «земля, небо, огонь и вода пропитываются злом».

— Один в один — слова Рэльгонна, — заметил Конан. — Этот знахарь в точности повторил то, о чем говорил упырь, следовательно никакой ошибки быть не может! Дальше?

— Несомненно, Гупта до смерти боится чудовища, считает его непобедимым и неуязвимым. Знахарь, понятное дело, ни разу не видел самого Голодного Посланника, зато сорок зим назад побывал на Медвежьем хуторе рядом с Анвольдом, где монстр удачно поохотился. Уж на что Гупта крепкий старик, а когда мы начали расспрашивать — стал бледным как смерть, слезы из глаз потекли... Больше ничего путного мы от него не добились. Старейшины в Анвольде оказались более словоохотливы, но тоже боялись до дрожи в коленях: они убеждены, что чудище не только убивает и пожирает своих жертв, но и

«забирает души». Память о Посланнике не исчезла, однако люди осторегаются упоминать о нем вслух. Наши слова о том, что Ночная Стража может защитить от монстра, никто всерьез не принимал. Мол, охотники способны избавить от «обыкновенных» чудищ, а этот — «другой». Какой именно «другой», я так и не понял.

— Зато мы поняли, — мрачно сказал Гвайнард. — Сначала герцог, а потом Рэльгонн нам таких ужасов на рассказывали, что волосы шевелятся. Боюсь, не пришлось бы просить подмоги у Хранителей гильдии или магов, вчетвером мы не справимся.

— Почему вчетвером? А Рэльгонн с семейством? — удивился Эйнар. — Кроме того, я хоть и не волшебник, но кое-что умею...

— Рядом с магией демона Черной Бездны твои умения выглядят жалко, — отмахнулся командир охотников. — Рэльгонн вряд ли сможет помочь.

— Черная Бездна? — ошеломленно вытаращился Эйнар. — Демон? У нас, здесь? В Райдоре? Да вы спятили!

Гвай поднялся с лавки.

— Покушали? Отлично, тогда поехали в Витту. Обо всем услышите по дороге.

* * *

После рассказа Гвайнарда заметно погрустнел даже вечно жизнерадостный Эйнар. Асгерд предпочитала отмалчиваться и только брови хмурила — ей, как опытной охотнице, было понятно, что герцог может предложить за голову молберана хоть все золото мира, но положение от этого не изменится: успешно бороться с монстрами Бездны Ночные Стражи не могут. Здесь требуется маг высшего посвящения наподобие Пелиаса, или, страшно сказать, самого Тот-Амона. На помощь последнего можно не рассчитывать — глава Черного Круга не снизойдет до просьб гильдии, даже если его попросят Хранители. Слишком горд, слишком высокомерен и чересчур заносчив. А если Тот-Амон услышит среди имен охотников имя Конана — и подавно быть беде, слишком уж насолил неугомонный киммериец верховному колдуна Стигии!

Минувшей ночью Гвай договорился с Рэльгонном о том, что упырь слетает в Коф и попытается договориться с Пелиасом если не о помощи, то хотя бы о добром совете. Пелиас стар и тяжел на подъем, в Райдор он не поедет, однако порекомендовать Ночной Страже, как именно следует вести себя в данной ситуации вполне способен.

Скептически настроенный Копан предположил, что Пелиас ограничится наиболее простым и понятным советом: не встревать, дождаться пока молберан вновь не заснет и тем самым обеспечить себе спокойствие на следующие сорок с лишним зим, когда на смену придут другие охотники.

Гвай только поморщился — он свято почитал уложения Кодекса Стражи, где ясно сказано: следует бороться с враждебными человеку существами и магией всеми доступными способами. Копан справедливо заметал, что самым «доступным» способом борьбы с Голодным Посланником будет или героическое самоубийство, или куда менее героическая, но зато более надежная игра в прятки. Тварь не смогли убить даже каттака-ны, что говорить о людях?

— Между прочим, Рэльгонн неоднократно говорил, что мы, люди, себя недооцениваем, — возразил Гвайнард, — я и ему верю. Знаешь, почему?

— Почему?

— Ты не забыл, что наш отряд — пускай очень маленький! — за все минувшие годы не потерпел ни единого поражения! Мы успешно распутывали самые сложные дела, все чудовища вставшие на нашем пути погибали, никакая магия была нам не страшна!

— Поверь моему опыту, самоуверенность никогда не доводила до добра, — покачал головой Конан. — Смотри, вот и деревня...

Всадники выехали с лесной дороги на обширный луг, рассекаемый надвое узкой мелководной речкой. У самой опушки соснового леса поднимался бревенчатый тын, окружавший дома кметов — в Радоре традиционно обносили частоколом даже крошечные хутора, опасаясь гиперборейских набегов.

Витта оказалась небольшим селением, на двадцать пять дворов. Кметы промышляли охотой, углежогством, и разведением овец — доход это приносило небольшом, но для безбедной и сытой жизни его вполне хватало. Здесь жили выходцы из Асгарда, чьи дальние предки бежали на Полночь от жадных и несправедливых ярлов: в Райдоре и Пограничье землю можно было получить бесплатно, достаточно принести присягу верности герцогу и не забывать о налогах в казну, взимаемых с каждой семьи. Кстати, идея о свободной раздаче земель всем желающим появилась у прародителя его светлости именно после голода 1121 года — тогда в Райдор и потянулись многочисленные переселенцы.

Конан заметил в центре селения деревянного истукана, смахивающего на Доннара-Громовержца. Значит, бывшие асиры хранят дедовскую веру, не желая приобщаться к митрианству распространенному в Бритунии. Ничего страшного, Доннар — могучий и добрый бог.

Охотников встретили двое степенных бородатых старейшин, препроводили в общинный дом и не желали говорить о делах, пока Ночные Стражи не отведают черного эля и кабаньего окорока с приправами. Ничего не поделаешь — по древнему как мир обычай гостей сначала надо приветить и угостить. Гвай втихомолку сердился и жалел о потерянном времени, но выступить открыто против излишне патриархальных нравов не решился: кметы насмерть обидятся!

Старейшины повторили то, о чем рассказывали вчерашние посланцы — крылатый зверь, зубы длиной в человечью руку, овечек жалко. Не извольте гневаться, месьоры охотники. Уплатить сможем овсом, сеном и баарным жиром (тут помрачнела Асгерд. Именно ей приходилось договариваться с райдорскими купцами, которым приходилось сбывать «вознаграждение» полученное от кметов, редко расплачивавшихся серебром).

Оказалось, что сегодня «летуна» уже видели — кружил над селением, явно рассчитывая на легкую поживу. Утром овец на поле не отправили, а потому оголодавшая зверюга попыталась напасть на принадлежащего здешнему кузнецу мерина, пасшемуся рядом с частоколом. Мерин, не будь дураком, удрал — ринулся к открытым воротам, раздавив копытами двух куриц пронесясь через всю деревню и укрылся в родном хлеву.

— Поедем, посмотрим, — вздохнул Гвайнард, но его прервал киммериец:

— Слышиали, монстр напал на лошадь!

— На мерина, — фыркнула Асгерд. — Ты о чем?

— Есть предложение: давайте отправим Гнедого погулять по лугу. В качестве приманки.

— Хорошая мысль! — воодушевился Эйнар. — Твое ездовое чудовище не даст себя в

обиду. А мы тем временем спрячемся в лесу и понаблюдаем, что произойдет!

Варвар, отлично знавший на какие подвиги способен разгневанный сартак, ничуть не рисковал остаться без скакуна — Гнедой, вооруженный остройшими клыками и чутьем настоящего хищника способен убить любое крупное животное, включая медведя. Кроме того, сартак обладает кое-какими магическими способностями и зачатками настоящего разума, что также дает серьезные преимущества...

Старейшинам настрого приказали разогнать обитателей Витты по домам — пусть сидят и не высываются, опасно. Затем Конан расседлал сартака, снял с него узду, громко хлопнул ладонью по крупу Гнедого и приказав ему «смотреть в оба» указал на распахнутые ворота деревни. Сартак приобрел задумчиво-отрешенный облик (ох, хитрец!), вышел на поле и с самым невинным видом принял щипать травку — Гнедой был всеяден, хотя и предпочитал мясо. Засевшие в кустарнике охотники видели, как он лукаво косил в их сторону темно-лиловым глазом.

Спустя два квадранса Ночные Стражи начали скучать — или приманка не действовала, или неизвестная крылатая тварь улетела искать добычу в другие места. Гвайнард с неудовольствием сбросил тетиву с крюка арбалета и ослабил пружину ворота.

— Ничего не выйдет, — сказал предводитель охотников. — Предположительно, «дракончик» является существом магическим, а значит способен чувствовать магию сартака...

— Интересно, а кто совсем недавно говорил о том, что мы себя недооцениваем? — усмехнулся Конан. — Терпение, дружище! Я однажды просидел день и две ночи в нише под потолком дворца королевского протектора Шадизара, лишь бы добраться до шкатулки со знаменитым алмазом «Луч Митры»!

— Зачем тебе понадобился алмаз?

— Просто люблю красивые вещи. И потом, алмаз можно распилить на несколько частей, продать их, а деньги раздать вдовам и сиротам. Что вы на меня вытаращились?.. — Конан посмотрел в чистое небо и внезапно осекся: — Тихо! Посмотрите-ка! Это, случайно не то, что мы ищем?

Над залитым солнцем зеленым лугом описывало широкие круги существо, похожее на очень крупную птицу или дракона-недомерка — издали не разобрать. Впрочем, охотникам было совершенно ясно: тварь нацеливается на мирно пасущегося сартака и желает плотно отобедать.

* * *

Как и предполагалось изначально, взять Гнедого голыми руками не получилось — сартак учゅял опасность, однако до поры до времени старался выглядеть безмятежно. Картина самая идилическая: лужок, цветочки, пчелки-бабочки, красивый упитанный жеребец срывает мягкими губами длинные стебли травы...

У Конана сердце сжалось, когда летучее диво сложило крылья и начало камнем падать к земле, надеясь одним ударом оглушить добычу. Гнедой, однако, не сплоховал — он попросту отскочил в сторону за одно мгновение до того, как лапы удивительного зверя вцепились бы

ему в холку. Прием донельзя простой и одновременно весьма действенный.

Послышался глухой удар о землю, сартак победоносно взвизгнул и саданул копытом поверженного противника. Голова человека разлетелась бы как гнилая тыква. Затем Гнедой взглянул на летуна заинтересованно — можно ли это есть?

— Н-да, — кашлянула Асгерд. — Похоже, овес, сено и баражий жир причитающиеся в качестве награды, придется отдать Гнедому. Он выполнил за нас всю работу. Никогда не думала, что охота на дракона, пускай и маленького, окажется настолько короткой и простой.

— Пошли взглянем, что за редкость попалась в наши сети на этот раз, — Гвайнард выбрался из кустов и отряхнул от налипших хвойных иголок и земли полосатые нордхеймские штаны. — Все-таки держите оружие наготове, вдруг зверь еще жив?

Точно, жив. Крылья чуть вздрагивают, грудь поднимается и опускается — дышит.

— И как прикажете такое понимать? — с самым обалдевшим видом спросил Конан, внимательно рассмотрев добычу. — Что это?..

— Понятия не имею, — не менее изумлено ответил Эйнар.

— Можете мне голову рубить, но я полагаю, что мы имеем дело с очередным неудачным опытом месьора Аделарда, — Гвайнард только руками развел. — Других объяснений не имеется. Нарочно такое... такого... такую уродину не создашь. Наверное, придворный маг опять перепутал магические предметы из своей коллекции. Давайте договоримся: Охранителю короны ни слова, он же старика со свету сживет!

Похититель овец выглядел отнюдь не жутко, а скорее забавно. Эдакая неопрятная помесь курицы, ящерицы и летучей мыши. Крылья кожистые, но с еле заметными чешуйками, туловище покрыто одновременно темным волосом и маленькими перышками, лапы птичьи, с впечатляющими когтями.

— Правы были герцогские гвардейцы, у него две головы, — сказал Эйнар, с трудом сдерживая смех. — Ну надо же! Аделард превзошел сам себя!

Головы были одинаковые, вытянутые, будто у ящерицы, но заканчивались они заостренными клювами в которых росли зубы — не «с человечью руку», конечно, всего лишь с палец длиной. К этому присовокуплялись широкие тонкие уши нетопыря и нарости под ноздрями. Глаза оглушенной твари были закрыты полупрозрачной пленкой.

— Но при чем здесь Аделард? — не понял киммериец. — Вдруг это на самом деле какая-то древняя зверюга? Помните, что Рэльгонн говорил о кхарийцах, создававших самых немыслимых чудищ?

Гвайнард ухмыльнулся и взъерошил левой ладонью шерсть и перышки на груди странного существа, указав на четко пропущенный знак, составленный их переплетения нескольких рун.

— Жизнь, огонь, совокупление, — Конан, неплохо знакомый с руническими символами сразу опознал некоторые значки. — Вот старый мерзавец! Зачем ему это понадобилось?!

— Замыслы мудрых непостижимы для скучного умишка простецов, — очень похоже передразнил Аделарда Эйнар и охотники дружно расхохотались. — Насколько я знаю, алхимик давно интересовался магией природы, хотел создать что-то вроде нового домашнего кота. Известные волшебники частенько забавляются такими опытами. Во-первых, можно хвастаться перед другими людьми удивительным зверем, который одновременно способен исполнять роль телохранителя. Во-вторых, привлекает сложность задачи — объединить в едином теле разных животных. И в-последних, некоторые существа созданные магией предназначаются для того, чтобы исполнять прихоти хозяина: таскают драгоценности из

чужих сокровищниц или приносят ему юных девственниц для телесных услад... Предварительно заворожив, разумеется.

— Воображаю Аделарда, обнаружившего однажды ночью в своей постели завороженную овечку или барана, — задумчиво сказал Конан, вызвав очередной приступ бурного веселья у охотников. — Управиться со своим творением маг не сумел и предпочел сделать вид, будто ничего не знает... Все понятно.

— И что нам теперь делать с этим красавчиком? — озадачилась Асгерд. Отпускать нельзя, а убивать жалко.

— Есть идея, — отозвался Гвайнард. — Давайте отвезем чуду в зверинец герцога, получим причитающуюся награду, а месьору Атрогу скажем, что избавили Райдор от очередной напасти. Алхимик промолчит и впредь будет осторожнее. Если начнет возмущаться, я сумею заткнуть рот Аделарду угрозой рассказать Охранителю короны все подробности этой истории. Как?

— Согласны, — ответил за всех Конан. — Только его связать надо. Может, зверь для человека и не опасен, но ударить кловом или подрать когтями он вполне способен. Хороший подарочек мы привезем его светлости...

— Эйнар, зайдись, — кивнул Гвай и вдруг поднял руку, останавливая готового взмутиться броллайхэн, которому всегда доставалась самая тяжелая и грязная работа. — Слышите? Митра Лучезарный... Что стряслось?

Амулеты охотников внезапно заледенели и начали мелко вздрогивать.

* * *

Конан замер. Он отлично знал, что это за человек вопит подобным образом один-единственный раз в жизни, когда таковая жизнь заканчивается, причем заканчивается жестоко. Вскоре к первому истошному воплю присоединились еще несколько панических голосов — создавалось впечатление, будто людей живьем кромсают на куски. Крики доносились со стороны деревни.

— Надеюсь, это не то, о чем я подумал, — скороговоркой произнес Гвайнард. — Быстрее!

— Гнедой, сторожи! — рявкнул киммериец, имея в виду «дракончика» и ринулся вслед за предводителем ватаги.

Расстояние до ворот преодолели единым духом. Ночные Стражи не рассуждали, мыслей о грозящей смертельной опасности ни у кого не возникло, только боевой азарт. Эйнар моментально определил в каком из домов происходит неладное и увлек за собой охотников.

Конан пинком вышиб дверь как раз в тот момент, когда надрывные, с привизгом, вопли стихли, превратившись в булькающий стон. Варвар успел заметить краем глаза, что Эйнар сбросил телесную оболочку — броллайхэн, Духи Природы, способны развоплощаться по своему желанию, а потом вновь принимать материальный облик. Отлично, значит Эйнар превратился в разумный сгусток магии Равновесия, способный серьезно помочь людям!

— Ушел, скотина, — зло сплюнул Гвай. — Опоздали!

Открывшееся охотникам зрелице более всего напоминало скотобойню в разгар сезона

заготовки солонины. Пол, лавки и столы залиты кровью, капает даже с потолка, видны части человеческих тел и обглоданные кости. Асгерд поморщилась и отвернулась.

— Он невероятно быстр, — выдавил Конан. — Не прошло и четверти квадранса, а... Гвайнард, ты зря надеялся! Голодный Посланник проснулся! Его работа!

Снова раздались крики, на этот раз у соседей. Охотники бросились в дом напротив, потом в третий, в четвертый...

* * *

— Он будто играл с нами! — бушевал Конан. — Скотина! Тешился своим превосходством, неуязвимостью, и силой! Хотел показать — вот вам, господа охотнички! Попробуйте, поймайте! Мразь проклятая!

Киммериец отводил душу больше полутора колоколов, извергая неостановимый поток брани на всех известных ему наречиях. Когда заканчивались аквилонские ругательства, варвар принимался за туранские или заморийские. Никто из Ночных Стражей не возражал и Конана не останавливал: все понимали, что отряд потерпел настолько горькое и сокрушительное поражение, что впору отправляться в Немедию на суд Хранителей, которые будут обязаны отобрать у них амулеты Стражи и с позором изгнать всю компанию из гильдии.

Витта опустела более, чем наполовину — молберан истребил сто шесть человек за очень короткое время, причем умудрился ни разу не попасться на глаза охотникам. Эйнар тоже не преуспел, так как Голодный Посланник отводил его взгляд магией несравнимо более мощной, чем волшебство броллайхэн. Чудовище Бездны уничтожало жителей деревни с молниеносной быстротой и пугающей методичностью, переходя из одного дома в другой. Ну а когда монстр насытился, то попросту исчез — будто прыгнул через Ничто, подобно каттаканам.

— Я не представляю, что делать, — сокрушенno сказал Гвайнард, когда варвар взял паузу, чтобы отдышаться. — Перебрал все возможные варианты. Хранители помочь не смогут, они такие же охотники как и мы, самые обычные люди. Рэльгонн, конечно, согласится попробовать еще раз, но я уверен, что результатов не добьется. Маги? Тот-ан-Хотеп не справится, а Великие Колдуны наверняка откажут...

— Может, оставить все как есть? — вяло предположил Эйнар. — Понимаю, это противоречит Кодексу, но Хранители не обязывают нас ввязываться в абсолютно безнадежные дела.

— Нет уж, теперь я не отступлюсь! — рявкнул варвар. — Мне... Нам бросили прямой вызов! Если мои родичи в Киммерии узнают, что Конан из клана Канах дав клятву Ночной Стражи струсил, меня проклянут!

— И что же ты предлагаешь? — совершенно серьезно спросила Асгерд.

— Не знаю! Но я не боюсь попытаться!

...Охотники выехали в Райдор перед самым закатом, когда гвардия светлейшего уже хотела закрывать городские ворота. Знакомый десятник, увидев мрачные лица Стражей, предпочел не задавать лишних вопросов, хотя на телеге запряженной грустной деревенской

лошадкой шевелилось и рыкало неизвестное чудище, замотанное в рогожу — Гвай все-таки прихватил с собой «дракончика», исходя из своего вечного принципа, что любое дело следует доводить до конца.

— Езжайте домой, дождитесь Рэльгонна, — сказал Гвай киммерийцу и Асгерд. — Мы с Эйнаром поедем в замок светлейшего, надо поговорить с герцогом и месьором Атрогом. Ни в коем случае нельзя допустить паники, слухи распространятся моментально. Насколько я понял, демон никогда не нападает дважды на одно и то же селение, я уговорю Охранителя короны послать в Витту отряд гвардии и перекрыть все дороги... Заодно отдадим в зверинец этого уродца.

Варвар понимал, почему Гвай взял с собой к герцогу именно Эйнара — броллайхэн отлично умел объяснять, убеждать и заговаривать зубы, а этот талант Духа Природы охотникам сейчас был необходим, как воздух. Варт Райдорский, возможно, и поверил бы в бессилие Ночной Стражи перед монстром Черной Бездны, поскольку знал о молберане и представлял каковы его возможности, но Атрог...

Охотников погубила слава «непобедимых», прямолинейный Охранитель не станет слушать никаких отговорок, понятий «трудное дело», а уж тем более «невыполнимое» для него не существует. Бесспорно, ссориться с гильдией Атрог не решится, но репутация Гвайнарда и всего отряда в глазах верного цепного пса его светлости окажется безнадежно испорчена. Глава тайной службы не только не прощает ошибок или просчетов, он полагает, что слово «невозможно» должно навсегда исчезнуть как из бритунийского наречия, так и всех остальных вместе взятых. На Эйнара вся надежда — три части красноречия, одна часть магии, и десять частей убедительности. Может быть сработает.

— Помнишь упыря из Ронина? — спросил варвар у Асгерд. — История похожая: девица была одержима демоном, уничтожить которого можно было только натравив другого демона, трехглавого пса жившего на болотах... Подобное лечится подобным, так вроде говорят ученые мужи?

— Я не ученая, и тем более не муж, — огрызнулась нордхеймская воительница, расседлавая своего коня. — Конан, сам посуди, откуда мы возьмем еще одного монстра Черной Бездны и как уговорим его напасть на Голодного Посланника?

— Верно, — вздохнул киммериец. — Один мой знакомый по Шадизару, Ши Шеллам, ты его не знаешь, говаривал, будто из любого положения всегда отыщется выход. Надо только как следует подумать.

Вот и займись, если делать нечего, — прохладно отозвалась Асгерд. — Пошли в дом, госпожа Тюра наверняка подготовила ужин.

Удивительное дело: степенная пожилая домоправительница исчезла незнамо куда, в комнатах ее не было. Конан обыскал хозяйственные пристройки, заглянул к соседям — ничего. Очень насторожил охотников беспорядок па кухне. Горшки перевернуты, очаг не горит, по полу разлита вода из колодезной бадьи.

— Нас что, пытались обокрасть? — недоуменно спросил киммериец. — Нет, этого просто быть не может! Асгерд, посмотри сундук с деньгами!

Золото и серебро накопленные охотниками за последние годы было па месте. Кроме того, все обитатели Райдора, от благонравных обывателей до рыночных воришек и местного «короля ворот» Элама Змеиной Руки знали, что связываться с Ночной Стражей — себе дороже. Гильдию уважают все: наиблагороднейшие дворяне и жулики с конокрадами; украсть у охотников — это как украсть у самого себя, поскольку однажды услуги Стражи

могут понадобиться даже распоследним ворюгам. Чудовища не выбирают, на кого нападать. И уж тем более Гвай с Конаном достанут из под земли любого, кто осмелится поднять руку на добро Ночной Стражи.

Асгерд и киммериец обыскали дом от конька крыши до подпола и все-таки добились своего — госпожа Тюра отыскалась в дальней кладовке.

Выяснилось следующее. Примерно через два-три колокола после полудня, домоправительница услышала звук шагов, доносящийся из «Арсенала» — ходил кто-то большой и тяжелый, аж доски скрипели. Тюра сочла, что вернулись охотники и выглянула с кухни, но вместо знакомых лиц стражей обнаружила в трапезной отвратительное чудище, обликом сходное с человеком и пахнущее рыбой. После чего хозяйка в панике бежала и спряталась в кладовой, где просидела до вечера, надеясь, что монстр ее не найдет.

Как выглядел незваный гость? Скверно он выглядел. Противно. Морда синяя, на руках-лапах по три пальца с перепонками, одет в какие-то немыслимые отрепья...

— Ого! — присвистнул варвар. — Это ведь наш знакомец из старого замка! Точно, он! Только что ему понадобилось?

— Привадили нечистую силу, — недовольно проворчала госпожа Тюра и отправилась прибираться на кухне. — Хотите есть, возьмите копченого мяса, горячее будет готово только к закату...

На полу в «Арсенале» остались следы. Прекрасный иранистанский ковер был попорчен когтями, царапины обнаружились и на досках крыльца. Асгерд, отыскав среди запасов Гвая пузырек с темно-красной жидкостью обрызгала ковер, подождала и недоуменно пожала плечами:

— Тюра ошиблась. Никакой нечистой силы! Этот декокт должен был задымиться в случае, если в доме побывало существо порожденное черной магией. Интересно, куда подевался наш визитер?

— Пришел один раз, придет и снова, — оптимистично предположил Копан. — Не сомневаюсь, синерожая тварь как-то связана с проклятием Ландерика и Голодным Посланником.

— А ты не думаешь, что это страшилище всего лишь поселилось па развалинах замка? Там тихо, люди не беспокоят...

— Меня однажды научили одному правилу, — усмехнулся Конан. — Звучит оно так: дракона ищи в пещере, сокровища под алтарем, мага в башне, а вурдалака на жальнике. Говоря иначе, некоторые всеобщие законы не изменишь. У Голодного Посланника должно быть логово, в котором он отсыпается. Разумно предположить, что оно находится в старом замке — подвалы завалены, человеку туда не пробраться, однако если демон воплощен, значит есть проход о котором мы не знаем...

— Или молберан прыгает через Ничто, — сказала Асгерд. — Ты к чему ведешь?

— К тому, что два разных монстра не могут обитать в одном месте — это тоже закон. Представь себе дракона — хранителя сокровищ, вынужденного делить свое золотое ложе с другим драконом!

— Передерутся, — хмыкнула охотница. — Драконы всегда были одиночками и никакой нормальный дракон не подпустит соперника к сокровищнице!

— Именно! В этом отношении демоны похожи на драконов, они не терпят соседства с другими демонами. Спящий молберан наверняка беззащитен, он должен очень хорошо спрятаться. Так, чтобы за сорок одну зиму его никто не нашел и не уничтожил тело

воплощения. Людей следует опасаться меньше всего, они слабы и не очень сообразительны, боятся проклятий, магии и вообще предпочитают не связываться с чудовищами. Понятно, что единственным исключением является Ночная Страж... Но вот другой демон — это очень нежелательный сосед!

— Разумное зерно в твоих словах есть, — задумчиво сказала Асгерд. — Однако, найдется и серьезное противоречие. Допустим, Голодный Посланник живет в старом замке, а значит второй монстр там жить никак не может. В то же время вы с Гвайнардом встречаете урода в синих лохмотьях именно на развалинах и предполагаете, что он неким образом связан с демоном Бездны...

— Загвоздочка, — кивнул варвар. — По-моему, ответов на этот вопрос может быть два. Первый: Синяя Морда помогает Голодному Посланнику — нечто наподобие демона-слуги или демона-охранника. Вполне вероятно, что во время спячки логово молберана оберегает другое порождение Бездны или подчиненный посланнику демон из других Сфер, вовсе не обязательно являющийся нечистью. Вот, кстати, и объяснение, почему молчат наши амулеты и не подействовал магический отвар! Второй: напугавший госпожу Тюру монстр не имеет вообще никакого отношения к миру демонов.

— Не поняла!

— Нет ничего проще. Рэльгонн живое существо или потусторонняя тварь? Вот-вот! Но и человеком он не является. Могу запросто перечислить полсотни самых разных магических тварей из плоти и крови обитающих под солнцем Хайбории! А если Синяя Морда просто хочет нам помочь? Навести на логово молберана?

— Необоснованный оптимизм, — Асгерд покачала головой. — Я много зим хожу в отряде Ночной Стражи, и никогда не встречала монстра, желающего помочь охотникам искребить другого монстра.

— Повторяю: вдруг это никакой не монстр?

— Тогда кто?

— Откуда я знаю? Воплощенный дух наподобие броллайхэн, оставшийся с древних времен, представитель какой-нибудь вымершей расы. Да кто угодно! Он не агрессивен, в злодействах и убийствах замечен не был, а что выглядит мерзко и неприятно глазу — так и наши каттаканы тоже пленительной внешностью не отличаются!

— Остается дождаться нового визита нашего синего дружка и расспросить его поподробнее, — скептически отозвалась охотница. — Тогда и выяснится, прав ты или нет.

* * *

Военный совет, на котором присутствовали все Ночные Стражи, Рэльгонн и его милость Атрог Гайарнский, устроили поздно вечером. Вопреки ожиданиям Гвайнарда, Охранитель короны отнесся к происходящему с пониманием — спасибо герцогу, объяснившему начальнику своей тайной службы, что нельзя требовать от охотников прыгнуть выше головы.

— ...В казне светлейшего достаточно денег для того, чтобы нанять одного из Великих Магов, — меланхолично говорил Атрог. — Может быть, стоит обратиться к гиперборейскому конclave Белой Руки? Гиперборея совсем рядом, за Граскаальскими горами. Лоухи из Халоги

считается сильнейшей колдуньей Полуночи, если пообещать ей не менее одного «сфинкса» в чистом золоте, она согласится помочь...

Конан поперхнулся. «Сфинксом» называлась огирская мера золотых монет, равная сотне тысяч денариев Ианты. Гигантская сумма, почти невообразимая! На такие огромные деньжищи можно купить не только благосклонность любого волшебника, но и немаленькое баронство в Немедии или Аквилонии, с замком, городом, несколькими деревнями и обширными угодьями!

— Мне эта идея не очень нравится, — хмуро сказал Гвайнард. — Во-первых, госпожа Лоухи использует тёмную магию...

— Это ничуть не мешало вам якшаться со стигийцами две седмицы назад, — парировал Атрог. — Чем хуже гиперборейцы?

— Хуже, и вот почему. Черный Круг и Белая Рука поклоняются Тьме, это правда. Однако, колдунам Птейона Райдор не интересен — мы находимся слишком далеко от берегов Стиksа, месьор Атрог прав: Гиперборея является нашим соседом, а значит конclave Белой Руки будет заинтересован в распространении своего влияния к Полудню от своих рубежей. Сами понимаете, мы стоим на перекрестье торговых путей, герцог владеет богатейшими рудниками... Светлейший ничем не должен быть обязаны Лоухи — коготок увяз, всей птичке пропасть. Однажды связавшись с конclave Тьмы, особенно с его главой, уже не выпутаешься.

— А я думал, что Ночная Стража не интересуется политикой, — криво усмехнулся Охранитель.

— Мы обязаны предостеречь вас от ошибок.

— Ладно, согласен, — отмахнулся Атрог. — Другие предложения? Отправить месьора Рэльгонна в Стигию, к вашим подозрительным дружкам? Я плохо представляю себе стигийскую армию штурмующую Райдор или поселившегося в замке короны наместника Круга Птейона!

— Подумаем, — наклонил голову Гвайнард. — Голодный Посланник проснулся сегодня, значит убийства будут продолжаться еще минимум восемь-десять дней, пока демон не насытится. На принятие решения у нас одна ночь, иначе больших жертв и паники не избежать.

— Беспокойное лето выдалось, — недовольно проворчал Охранитель. — Такое впечатление, что нечисть со всей Хайбории сбежалась в Райдор, словно у нас тут медом намазано... Даже рыба в реке начала дохнуть!

— Что? — мгновенно насторожился Гвай. — То есть как — дохнуть?

— Обыкновенно. Вы же сами просили, чтобы стража докладывала мне о любых необычных событиях? Прибегает сегодня десятник, говорит, будто на Быстротечной беде. Рыбаки поутру отправились на промысел, хотели ставить сети в затонах на закатном берегу. Очень много мертвый рыбы выброшено на песок, еще больше плывет кверху брюхом по течению. Или мор напал, или кто-то вылил в реку целый поток свиного деръма... Даже мальки передохли.

— Странно, — протянул командир отряда. — Весьма странно. Сколько живу в Райдоре, а рыбьего мора здесь никогда не видел. Вода чистейшая, с горных ледников, выше по течению стоят только небольшие селения. Да и зачем травить рыбу?

— Я назначил дознание, — бросил Атрог. — Вы не о рыбе думайте, а решайте, что делать с Голодным Посланником! Я сейчас поеду обратно в замок, постараюсь успокоить

герцога и дам приказ гвардии пресекать любые беспорядки... Если что случится, немедленно сообщайте!

С тем Охранитель короны и дожидавшиеся на улице телохранители его милости отбыли.

— ...Конан, как ты назвал вашего недавнего гостя? — неожиданно осведомился Рэльгонн. — Синяя Морда? Ну-ка, месьоры, ответьте: с чем вы обычно связываете синий цвет?

— Небо, — пожала плечами Асгерд, — сапфиры, цветы...

— Еще?

— У некоторых чудовищ шкура синего цвета, — сказал Гвай. — Например у...

— Не надо перечислять, — поднял ладони упырь. — Конан?

— Море, — не раздумывая сказал варвар, которому едва не каждую ночь снились лазурные волны Полуденного океана. Пять зим Конан был капитаном пиратского карака и любил море всей душой. — На побережье Зингары особенно красиво, жаль вы не бывали...

— Значит, море? — повторил Рэльгонн. — То есть, вода. Реки, озера, верно? Эйнар, что ты знаешь о Духах Рек? Вроде бы, это твои прямые родственники!

— Ты гений! — восторженно заорал Эйнар, вскочив со скамьи. — Да здравствуют все вампиры подлунного мира! Надо было сразу догадаться! Эх, жаль, что это так называемое «чудовище» я своими глазами не видел, сразу бы понял, что к чему!

— Тихо, тихо, не ори, — Гвай легонько стукнул рукой по столу. — Я слышал о никсах, русалках, «водяных хозяевах», но большинство рассказней о Духах Рек оказывались плодами пьяной фантазии рыбаков или плотогонов. Это ка-кая-то разновидность броллайхэн?

— Не совсем. Пойми — вода и глубины являются совершенно иным миром, с другими законами и обитателями! Конан это отлично знает, достаточно послушать его рассказы о морских чудовищах! Да, они могут считаться такими же воплощенными сгустками магии природы, как я или другие броллайхэн, но между нашими мирами существует четкая граница: поверхность воды. Они очень редко выходят на сушу, равно как и я не люблю вторгаться в чужую вотчину. Духи Рек не злые, скорее слишком независимые. Они не топят лодки и не утаскивают на дно купальщиков, но могут пугнуть жадных рыбаков или порвать сети... Вот, собственно, и все, что я знаю — броллайхэн и водяные духи не общаются уже много тысячелетий!

— Добавим сюда сообщение о гибели рыбы в Быстротечной, — напомнил Конан. — Как рыба воспринимает черную магию Бездны? Вдруг мор начался из-за пробуждения Голодного Посланника?

— Вспомним основы демонологии, — сказал Гвай. — Надеюсь, ни у кого не возникает сомнений в том, что молберан является нечистой силой? Нечисть боится солнечного света, серебра и текучей воды — ни единое порождение Бездны не способно переправиться даже через узенький ручеек!

— Ну, допустим, Голодный Посланник запросто убивает при свете дня, — напомнила Асгерд. — Впрочем, в любых правилах бывают исключения. Гвайнард не ошибся: самой действенной защитой от нечистия являются солнце, серебро и проточная вода.

Всегда интересовался, почему? — киммериец улыбнулся.

— А почему люди не едят уголь или камень, а в воде не дышат и могут утонуть? Ты сам недавно говорил о некоторых всеобщих законах, на которых держится наш мир? Если сокровища всегда лежат под алтарем заброшенного храма, то глупо спрашивать, почему нечисть боится рек и ручьев! Так положено, вот и всё!

— Подождите, — Гвайнард оборвал готовый разгореться спор. — Мы опять забрались в глухие дебри рассуждений и забыли о главном. Ясно, что вода, особенно речная, враждебна нечисти. Если Голодный Посланник живет в старом замке, то он способен переправиться на наш берег только по мосту.

— Не обязательно, — возразил Эйнар. — Протяни веревочку между берегами, и демон запросто окажется здесь. Мост на Быстротечной построили всего тринадцать зим назад, раньше товары и лошадей перевозили на плотах. Необходимо проверить, нападал ли молберан на деревни к Восходу от реки во время прошлых пробуждений!

— С вашего позволения, я займусь этим немедленно, — подал голос Рэльгонн. Внешность упыря начала стремительно меняться — он «превратился» в человека, пусть и слишком бледного. — Сейчас же загляну в библиотеку замка короны и слетаю в деревни, стоящие по этому берегу Быстротечной. Вытрясу из знахарей и старейшин все, что смогу. Ждите к утру!

Упырь запахнулся в плащ и растворился в воздухе, совершив прыжок через Ничто.

— Если уничтожить демона нельзя, то мы вполне способны изолировать его навсегда! — с жаром говорил Эйнар. — Дух Реки, которого Конан так неуважительно назвал «Синей Мордой» своим появлением дал вполне недвусмысленный намек: помогите мне! Черная магия Бездны убивает реку! Помогите, и я помогу вам!

— Интересно, каким образом? — поинтересовался Конан. — Ни Ночная Стража, ни каттаканы, по понятным причинам не в состоянии убить Посланника, а значит и помочь Речному Духу освободить Быстротечную от влияния злой магии. Следовательно, Синяя Морда ничем не может помочь нам. Получается замкнутый круг.

— Уши помои! — разозлился Эйнар. — Что я сказал? Не надо никого убивать! Только изолировать! Запереть монстра на острове, окруженному приточной водой! Он оттуда никогда не вылезет, силенок не хватит! Подпитки от истекающей из Бездны магии нет, убивать людей, питаться их плотью и душами нельзя — просто не добраться до добычи!.. Поняли, наконец?

— На Быстротечной нет островов, — туповато ответил киммериец.

— Старый замок... — очень медленно и внятно сказал Гвайнард. Командир отряда просиял и воскликнул: — Эйнар, золотая голова! Ну конечно же! Старый ров вокруг крепостишки Ландерика! Он наполнялся водой из реки! Текущая вода! Эйнар, решение найдено! Бегом к Охранителю короны, пускай завтра же герцог поднимет всех здоровых мужчин в Райдоре. Ров будет восстановлен!

— Один момент, — броллайхэн поднял палец к потолку. — Мы не уверены, что Голодный Посланник обитает именно в старом замке. Мы не знаем, что хочет сказать нам Дух Реки. И мы готовы совершить непростительную ошибку!

— Какую же? — удивился Конан.

— Допустим, ров будет вырыт заново и холм с развалинами старого замка превратится в остров. Подумайте, что мы будем делать, если в этот момент Голодному Посланнику взбредет в голову поразбойничать в десятке лиг от своего логова? Бывшего логова...

— Ой-ой, — Гвайнард откинулся на спинку кресла. — Молберан попросту избежит ловушки в которую его можно загнать! У кого какие соображения?

— Кажется, главное соображение стоит у дверей и ждет, пока мы обратим на него внимание, — тихо сказал Конан и на всякий случай незаметно положил ладонь на рукоять кинжала. — Эйнар, вы, кажется, сородичи? Попробуй с ним объясниться!

Жутковатое синекожее существо появилось незаметно и остановилось у входа в «Арсенал», вглядываясь точками зрачков в охотников. Разлился острый запах реки — пахло тиной, водой и рыбой.

Глава пятая

В которой придворный алхимик показывает себя с наилучшей стороны, а демон Черной Бездны попадает в ловушку

Передохнуть ночью не получилось и в доме на Волчьей улице не гасили свечи. Гости следовали один за другим. Едва разобрались с Духом Реки, как снова появился Рэльгонн, упыря заставили слетать за месьором Атрогом, каковой был доставлен в «Арсенал» через Ничто. Затем каттакан вернул Охранителя короны в замок и снова умчался по своим делам.

— Голова кругом идет, — пожаловался Гвайнард. — Ничего, если дело выгорит, отоспимся завтра. Иштар Добросердечная, кого еще принесло?

В дверь тихонько постучались. Киммериец, выругавшись под нос, пошел открывать. На пороге стоял месьор Аделард, облаченный в непривычный для придворного алхимика темный плащ с капюшоном.

— Прошу простить, что пришел к вам тайно, под покровом ночной тьмы, — быстро прошептал маг. — Месьор Конан, мне необходимо срочно переговорить с уважаемым Гвайнардом.

Варвар постарался сдержать улыбку.

Аделард выглядел подавленным и напуганным, а причиной тому наверняка являлась удивительная зверюга, сданная охотниками с рук на руки смотрителю герцогского зверинца и немедля помещенная в самую падежную железную клетку.

Гвай встретил алхимика с прохладцей — старику неоднократно советовали вести себя потише и не привлекать внимания рискованными опытами.

Охотникам вполне хватило недавней истории с «королем крыс», перепугавшим половину города, а ведь это существо появилось на свет только благодаря недосмотру Аделарда.

— Приветствуя тебя, почтенный, — Гвайнард указал магу не на привычное гостевое кресло, а на лавку.

Аделард послушно присел.

— Надо полагать, тебя заинтересовала наша добыча? Забавная тварь. Крыльшки, две головы, подозрительный рунический символ на груди. И, разумеется, ты доселе ничего не знаешь о монстре, напавшем на крепость светлейшего прошлым утром?

— Да, я виноват! — в сердцах воскликнул старик. — Надо было сразу все вам рассказать!

— Жаль, что эта великолепная мысль не посетила тебя во время предыдущего разговора, — сказал командир Стражей. — Надеялся, что обойдется? Что зверь улетит подальше от человеческого жилья и о нем больше никто ничего не услышит? Месьор Аделард, ты мудрый человек, известный волшебник! Как можно было допустить столь непростительную ошибку?

На «мудрого» и «известного» алхимик отреагировал положительно — слегка успокоился, перестал вздрагивать и стрелять глазками вправо-влево, словно ожидая, что из темного угла вдруг выскочит Охранитель короны, сжимающий в правой руке плеть, а в левой арбалет.

— Вот рукопись, — Аделард извлек из рукава затрапанный пергаментный свиток. —

Датируется приблизительно шестисотым годом по основанию Аквилонии, ей больше половины тысячелетия. Купил по слуху в лавке собирателя древностей, когда последний раз ездил в Пайрогию.

— Давайте посмотрим, — Эйнар хоряски придинул к себе манускрипт. — Руны асгардские, однако язык довольно странный. Конечно, один из диалектов Гипербореи, использующийся на побережье Ледяного океана! Всё как я и предполагал!

— И что же ты предполагал? — подозрительно осведомился маг.

— Ты хотел создать Исполнителя Желаний?

— М-м... Не совсем.

— Можно поточнее? Рукопись ясно говорит о том, что совместив несовместное и «вложив в плоть огонь» колдун... Тут непонятная формулировка: некое «единственное могущество». Что это может значить?

— Выполнение единственного желания, — уныло подсказал Аделард. — Потом волшебство исчезнет и тварь распадется на составляющие.

— Не понял? Каким образом?

— От стихии воды взята ящерица, от воздуха — летучая мышь, от земли — собака. Стихия огня с жизнью несовместима, но в рукописи есть заклинание способное на времена примирить стихии, объединив в едином теле. Когда они смешиваются, появляется волшебство не имеющее отношения к Тьме или Свету.

— Проще говоря — Равновесие, Алое Пламя, — отозвался Эйнар. — Дорогой месьор Аделард, ты являешься магом Света, и потому ничего не знаешь о Равновесии...

Конан закатил глаза.

Герцогский алхимик вообще не был магом, ни тёмным, ни светлым. Немудрено, что он снова перепутал все, что только можно было перепугать!

Эйнар, как воплощенный Дух Природы, отлично знал, что такое Равновесие и теперь пытался вразумить бестолкового Аделарда:

— Каково было твоё желание, почтеннейший?

— Кхм-кхм... — алхимик смущенно закашлялся. — Я человек беззлобный, месьоры. Но когда тебя окружают враги, злодеи и завистники, невольно задумаешься о своей дальнейшей судьбе! Я стар и немощен, мне осталось жить недолго, так почему я не могу спокойно провести старость, посвятив ее ученым трудам на благо Райдора? Вы бы смогли безропотно терпеть непрестанную травлю со стороны...

И так далее. Аделарда понесло. Старик припомнил Атрогу Гайарнскому все обиды и несправедливости, жаловался на свою тяжелую жизнь и самые черные злодейства Охранителя короны, единственной целью которого является безвременная и лютая погибель единственного волшебника Райдорского герцогства. Остановить поток обвинений в адрес Атрога удалось с трудом.

— Неужели ты приказал убить Охранителя? — пораженно спросил Гвайнард. Если эта догадка верна, Аделард начал становиться опасным. — Вот почему она напала на замок короны? Разве так можно?

— Неправда! — чуть не плача простонал алхимик. — За кого вы меня принимаете? Проклятого Атрога надо было всего лишь унести как можно дальше от Райдора! В Кхигай или Паган! И там бросить, пусть сам выпутывается, если он такой умный!

Киммериец подумал о том, что люди наподобие господина Охранителя «выпугиваются» и не из такой ситуации, но предпочел вслух эту мысль не высказывать.

— Существа, исполняющие желания, действуют быстро и безошибочно. Атрог должен был очутиться в Кхитае еще сутки назад...

Эйнар почесал во лбу и вдруг широко улыбнулся.

— Месьор Аделард, я знаю, почему твое желание не выполнено! На каком языке составлен манускрипт?

— На гиперборейском.

— А приказ ты отдавал на бритунийском?

— Совершенно верно.

— Так вот: древний колдун предполагал, что свитком либо воспользуется самостоятельно, либо изготовил его для какого-нибудь вождя племени гиперборейцев. Разве ты не знаешь, что в магии очень важны сочетания звуков? Произнеси заклятье Оридата не на языке Стигии, а по-бритунийски, и оно никогда не подействует! Вот где ошибка! Дракончик тебя не понял и попросту улетел... А поскольку он отчасти живой, ему требовалась пища — вот зверь и принялся жрать деревенских овец!

Охотники дружно отвернулись, скрывая непроизвольные улыбки. Аделард вновь блестяще продемонстрировал свои способности, а точнее, полное их отсутствие.

— Кроме того, — продолжал Эйнар, — магия Равновесия — предусматривает взаимодействие с природой, тварным миром, а вовсе не выполнение любых желаний. Пожелай ты открыть золотоносную жилу в горах или мгновенно вырастить вековой лес среди чистого поля, это было бы исполнено. Дракончик своротил бы скалу, а ты получил множество золотых самородков! Но приказывать ему сделать тебя королем Аквилонии или отправить месьора Атрога за много полетов стрелы бесполезно — над людьми магия природы не властна только потому, что они владеют разумом и свободой воли, которой, согласись, нет у бездушных камней или металлов!

— Какой ужасающий просчет, — Аделард сник. — Я опозорен! Боги, покарайте безумца!

Варвар хотел было высказаться в том смысле, что последнее восклицание алхимика весьма справедливо и богам действительно следовало бы обратить пристальное внимание на месьора Аделарда, но снова удержался от лишних слов.

Еще со времен приключений в Шадизаре Конан знал, как легко обидеть человека словом, а обижать полоумного старика не было никакого желания. В конце концов, Аделард не хотел ничего плохого. Рядом с кровавыми бесчинствами Голодного Посланника выходки алхимика выглядели столь же безобидно, как смех невинного дитяти.

Постойте-ка! Молберан? Магия Природы?

Конана осенило. Озарение снизошло внезапно, как только все частицы мозаики встали на свои места.

— Послушайте меня! — вскричал варвар, боясь упустить мысль. — Желание не исполнено, правильно?

— Насколько я понял — да, — пожал плечами Эйнар.

— Дракончик, как ты говоришь, может свернуть целую гору?

— Вполне, — броллайхэн кивнул. — Впрочем, зачем тебе...

— Дослушай, болван! Ты только что упомянул о взаимодействии с тварным миром! Зачем просить Атрога собирать всех способных держать в руках лопаты райдорцев и копать ров вокруг старого замка? Зачем? Созданное месьором Аделардом существо может сделать это за несколько мгновений! А Синяя Морда пустит проточную воду! Он же Дух Реки!

— Вот так киммерийский варвар... — Эйнар только рот раскрыл от удивления. — Невероятно просто, очень красиво и удивительно изящно!

Конан, искренне жму руку! Но мы обязаны точно знать, что в этот момент Голодный Посланник находится в логове!

— Луна взошла недавно, — проговорил Гвайнард. — У нас впереди почти вся ночь. Если успеем, к утру посланец Бездны окажется в ловушке, из которой уже никогда не выберется!

— Посланец Бездны? — округлил глаза Аделард. — Черная магия здесь, у нас? Демон? Настоящий? Тот, о котором говорится в летописи?

— Потом расскажем! — Гвай нетерпеливо махнул рукой. — Главное, не вызвать подозрений у Посланника! Месьор Аделард, хочешь заслужить великую славу избавителя Райдора от древнего ужаса Кхарии?

— Я... Да!

— Отлично! Ты создал дракончика, и он обязан исполнить одно-единственное твое желание! Эйнар, растолкуй магу его светлости как произнести формулу заклятия на гиперборейском диалекте! Конан, мы с тобой немедленно едем в замок герцога! Асгерд, когда вернется Рэльгонн объясни ему наш план!

— Разве у нас есть план? — вздернула точеные брови нордхеймская воительница.

— Конечно! Месьор Аделард, оставайся здесь, нам потребуется помочь настоящего волшебника!

Алхимик выпрямил спину и надул щеки. Ему нравилось быть полезным.

* * *

Конан с раннего детства отлично знал, что человек отнюдь не является безраздельным и единственным повелителем Хайбории.

Рядом с людьми обитало множество самых невероятных тварей, чаще всего относившихся к двуногим с абсолютным безразличием.

Общительные и веселые броллайхэн являлись приятным исключением, но духи, оберегавшие горы, леса, реки и даже крошечные ручейки никогда не стремились поближе познакомиться с человеческой расой — ушли альбы и змееногие, вымерли ктулхи и обитатели Лемурии, рано или поздно сгинут и люди, а бессмертные духи останутся навсегда, пока существует этот мир...

Синяя Морда озадачил даже Эйнара — броллайхэн мог похвалиться удивительно долгим сроком жизни, каттаканы рядом с ним выглядели сущими младенцами, однако понял речи Духа Реки с огромным трудом. Он изъяснялся на невыразимо древнем диалекте, наверняка появившимся в ту эпоху, когда первые острова поднялись над волнами океана и велением богов, на них зародилась жизнь.

— Он жалуется, на зло, убивающее реку, — растолковывал Эйнар, морща лоб и стараясь подобрать верные слова. Дух Реки стрекотал, сипел и булькал, издавая самые неожиданные звуки, размахивал когтистыми лапами, скалил зубы и всем своим обликом выражал неудовольствие. — Зло появлялось уже несколько раз, просыпалось и снова уходило... Он не

может справится самостоятельно, хотя и пытался... Он чувствует мою магию броллайхэн и магию наших амулетов; полагает, что если мы объединим силы, то изгоним зло...

— Изгоним? — с недоверием проворчал тогда варвар. — Я бы не торопился с подобными утверждениями! Лучше спроси, что он знает о Голодном Посланнике, где он прячется?

— Как мы и предполагали, — сказал Эйнар, выкушав очередную порцию булькающих звуков. — Под руинами замка находятся... В общем, там или сохранился подвал с печально знаменитым колодцем Ландерика, или есть нечто вроде пещеры. Из леса туда ведет старый подземный ход, о котором никто не знает, именно так зло покидает свое логово...

— Значит, Посланник действительно воплощен, — сказала Асгерд. — Но как вытащить его из подземелья и прирезать, я не знаю. И никто не знает...

Только по дороге к замку герцога Копан понял, что удача снова улыбнулась охотникам; Обстоятельства сложились благоприятно — алхимик очень вовремя решил испробовать старую магию гиперборейцев, породив к жизни Исполнителя Желаний, Дух Реки покинул глубины Быстротечной, а Рэльгонн точно выяснил, что в прежние времена на левом берегу реки молберан не появлялся — некоторые законы магии не обойдешь, нечисть не выносит текущую воду!

Оставалось только реализовать идею Конана, а рано или поздно Голодный Посланник сам сдохнет от голода и черное волшебство Бездны исчезнет!

Хранитель зверинца давно спал и поднялся с постели очень неохотно.

Потом долго ворчал, на охотников, которые сами не знают, чего хотят — сперва привезли удивительного зверя, получили награду от господина Охранителя, теперь забирают обратно без дозволения его милости.

— Хватит болтать, лучше отдай месьору Гвайнарду ключи от клетки, — в дверях неожиданно появился Атрог, собственной персоной и сразу устремился к Ночным Стражам. — Десятник стражи доложил, что вы приехали, значит дело сдвинулось с мертвой точки?

— Нам просто очень-очень повезло, — отозвался Конан. — Если боги окажутся благосклонны, в Райдоре больше никогда не услышат о демоне голода!

— Я не сомневался в вашей сообразительности, — кивнул Атрог, наблюдая, как варвар отпирает клетку в которой недовольно шипело крылатое чудо, еще не до конца очухавшееся после дневных приключений и сильнейшего удара о землю. Будь дракончик хоть стократно магическим, сейчас он был не опасен.

— Наши заслуги невелики, — незаметно усмехнулся Гвайнард. — Благодарить следует месьора Аделарда, без его участия ничего бы не вышло!

— Что-о? — Охранитель едва не упал. — Как ты сказал? Этот ненормальный? Этот бесполезный шарлатан и мошенник? Ушам своим не верю!

— Тем не менее, это совершеннейшая правда... Конан, помоги вытащить зверя! Месьор Атрог, помнишь я тебе говорил, что Аделард неплохо разбирается в так называемой «предметной магии»? Он не в состоянии создавать собственные заклинания и пользуется чужими артефактами, но при необходимости способен направить действие заключенных в них заклятий в нужное русло. Аделард нашел способ, как использовать этого зверя против Голодного Посланника, мы лишь помогаем старику.

— Невероятно, — выдохнул Охранитель. — Попомните мои слова: в самый ответственный момент все пойдет наперекосяк, а молберан сожрет и Аделарда, и вас вместе

с ним! Мне плевать на алхимику, но лишаться единственного на весь Райдор отряда Ночной Стражи я не желаю!

— Все получится как нельзя лучше, — успокоил Гвайнард месьора Атрога. — Верь моему слову!

— Верю, — сокрушенно вздохнул Охранитель. — Не могу не верить. Если проклятый колдун и на самом деле отличится, обещаю оставить его в покое!

— Приятно будет увидеть достойное обеих сторон окончание многолетней вражды, — фыркнул Конан, обматывая один из клювов дракончика крепким ремнем. — Ты обещал!

— ...И выполню свое обещание, если старый дурак ответит тем же! Надеюсь, мое присутствие на охоте за демоном не требуется?

Атрог всегда был осторожен и ценил свою жизнь.

— Конечно нет, мы управимся самостоятельно еще до восхода солнца.

— В таком случае — утром жду с докладом. Заодно прикажу казначею отсчитать требуемую сумму. Кстати, сколько вы попросите за голову молберана?

— Вполне хватит обычного вознаграждения, — сказал Гвайнард не обращая внимания на яростные жесты киммерийца, отлично помнившего о «сфинксе», который герцог с Атрогом хотели уплатить колдунье Лоухи из Халоги. — Однако, если его светлость окажется более щедр, от лишнего золота мы не откажемся!.. Конан, потащили зверя к повозке!

* * *

Нельзя сказать, что этой ночью было очень светло — луна давно пошла на убыль, больше половины неба закрывали облака.

Охотники решили использовать декокты Ночной Стражи — отвары из редких трав, благодаря которым человек мог видеть в темноте не хуже катааны.

— Мне это напоминает эдакий дворцовый заговор, — пытался шутить варвар, когда охотники, месьор Аделард и Рэльгонн выехали за городские ворота, открытые для Стражей по личному приказу Атрога. Маг и упырь восседали рядом на передке крытого фургона, правил тяжеловозом Рэльгонн. — Помню, зим десять назад в Султанапуре свергали тогдашнего эмира, все было в точности как сейчас! Крадущиеся в темноте злодеи с обнаженными мечами, таинственный свист ветра...

— Какой еще ветер? — сплюнул Гвайнард. — Погода тихая, ни один листик на деревьях не шелохнется! Учтите, мы отправились на самую опасную охоту за все последние годы: если ничего не выйдет, наша репутация будет погублена. А если Голодный Посланник поймет, что происходит — молберан чувствует магию не хуже Эйнара или Духа Реки! — наши обглоданные косточки завтра обнаружат на берегу Быстротечной.

Аделард громко всхлипнул, а Рэльгонн поморщился и предложил охотникам держаться поближе к нему — в самом крайнем случае упырь перенесет людей через Ничто в безопасное место.

Перед самым мостом охотники свернули налево — было решено атаковать старый замок с другого берега реки, от большой глубокой заводи расположенной прямо напротив Черного холма. Киммериец и Гвай с кряхтением притащили тяжелого дракончика на прибрежный

песок (дохлая рыба, выброшенная из Быстротечной, уже начинала пованивать), вода внезапно забурлила и показался Дух Реки, поджидавший охотников. Опять зачирикал, обращаясь к Эйнару.

— Он говорит, что воплощенное зло пока не вернулось в логово, — перевел броллайхэн. — Боги бессмертные, воображаю какие новости придут завтра из соседних деревень!

— Объясни, что затопить надо будет не только ров, по и подземный ход, — сказал Гвайнард. — Причем сделать это придется очень быстро, чтобы Посланник не выскользнул из капкана!

— Он сделает, — кивнул Эйнар. — Магия стихии воды, которой владеет наш приятель весьма могущественна. Однако, вся надежда на месьора Аделарда и волшебство гиперборейцев... Почтенный, ты не забыл формулу повеления?

— Н-нет, — заикнулся алхимик. Он смертно боялся, а значит мог допустить ошибку и сорвать великолепный план Ночной Стражи. — Все помню, затвердил наизусть...

Гвайнард с сомнением покачал головой.

Ждали очень долго, не менее трех колоколов. Рэльгонн озабоченно поглядывал в сторону Кезанкийских гор, небо над которыми начало светлеть — перед восходом солнца упырь будет обязан улететь в Рудну, чтобы избежать ожогов, а то и гибели от лучей светила.

В этом случае помочь охотникам каттакан уже не сумеет.

Мне показалось, или амулет становится холодным? — подал голос Конан, пощупав пальцами висящую на цепочке серебряную волчью голову.

— Все правильно, — тихо отозвался Эйнар. — Наши береги чувствуют приближающуюся нечисть... Стойте спокойно, я попробую укрыть нас заклинанием, не позволяющим различать магию, хотя оно вряд ли отведет взгляд демона.

Ночная тьма постепенно замещалась синими предрассветными сумерками, и без того обостренное декоктами «ночное зрение» теперь позволяло различить самые отдаленные объекты — киммериец видел царапины на камнях старого замка и даже иголки на вершинах елей, растущих на противоположном берегу.

Высоко в небе за рекой показалась темная точка. Птица? Нет, чересчур быстро движется, да и никакая птица не движется таким невероятным зигзагом! Конан присмотрелся и понял: это он, Голодный Посланник! Тварь не походила ни на одно известное варвару существо. Амулет начал мелко колотиться в грудь.

— Эйнар, развязжи дракончика! — шепотом скомандовал Гвайнард. — Месьор Аделард, не подведи нас. Второго шанса не будет!

Старик мелко кивнул.

Молберан сделал круг над старым замком, теперь его можно было хорошо рассмотреть — тело небольшое, размером с человека.

Крылья не кожистые, как у нетопыря, а покрытые черными перьями, круглая голова, которая, какказалось, состояла только из зубов и точек отсвечивающих ядовитой зеленью глазок — таковых оказалось не меньше десятка, а то и двух десятков.

Но самое удивительное было в том, что демон постоянно менял форму туловища — оно то вытягивалось, будто арбалетный болт, то снова превращалось в поддерживаемый крыльями мешок, растекалось в воздухе подобно огромному слизню, выбрасывало извивающиеся щупальца как морская звезда. Конан понял, отчего Рэльгонн говорил о том, что у Посланника нет устоявшегося облика — он изменялся каждое мгновение...

Охотников демон не видел или предпочитал делать вид, что не замечает. Сейчас, после долгой и несомненно удачной охоты, монстр утерял свою стремительность. Впрочем, спешить ему было некуда — насытившаяся тварь кувыркалась в воздухе, падала и снова взлетала к небу, а спустя половину квадранса попросту исчезла за кронами сосен.

Дух Реки коротко пискнул и нырнул в волны.

— Посланник вернулся в логово, — скороговоркой бросил Эйнар. — Аделард, начинай. Быстрее!

* * *

Конана слегка мутило — пускай Быстротечная и защищала охотников от истечения черной магии, вокруг замкового холма словно бы возник туманный ореол, некая аура зла куполом накрывающая берег реки.

Киммериец начал понимать, отчего Синяя Морда чувствовал себя до крайности неуютно — яд Бездны пропитывал воздух, землю и реку, хотя только проточная вода могла сопротивляться натиску чужеродного волшебства. Когда демон просыпался и вновь набирался сил, его присутствие чувствовалось даже людьми, не владеющими колдовским искусством.

— Сейчас, сейчас... — алхимик глубоко вдохнул, зажмурился и произнес первые слова повелевающего заклятия.

Нахохлившийся дракончик, доселе безучастно сидевший на прибрежном песке, вдруг оживился — вытянул обе головы, расправил крылья и подался вперед.

Похоже, заклинание действовало: появился запах грозы и засверкали маленькие светлые искорки.

Охотники на всякий случай отошли подальше — когда сосредоточенная в дракончике магия высвободится, это может быть опасно.

— Прекрасно, — когда Аделард закончил, Эйнар едва в ладоши не захлопал. — Сработало!

Конан оттащил задыхающегося от волнения алхимика в сторону.

Дракончик начал преображаться. Теперь он вовсе не напоминал уродливое живое существо, пристрастившееся к нежному овечьему мясу — его окутал теплый золотистый кокон, глаза зажглись алыми огнями, будто рубины под солнцем, крыльшки рассыпали тысячи огоньков, падавших в песок и воду реки.

Мгновение спустя над Быстротечной грянуло. Ночные Стражи не удержались на ногах — их повалил резкий порыв ветра, земля плавно качнулась и в уши протолкнулся устрашающий громовой раскат.

Киммериец, бывавший на Огненных островах возле полуденного побережья Кхитая, сравнил происходящее с извержением вулкана. Никто не ожидал, что магия Равновесия окажется настолько мощной!

Волшебное существо оранжевым метеором взмыло к небу, описало плавную дугу и ринулось к камням у подножия Черного холма. Фонтан жгучих искр поднялся выше крон самых старых деревьев, возвышенность с развалинами замка внезапно оказалась окружена

раскаленным огненным кольцом.

Шипел и трещал плавящийся гранит, ревели струи пара, по всей округе разнесся тяжелый низкий грохот, наверняка переполошивший обитателей Райдора.

Со стороны противоположного берега волнами накатывал сухой жар — магия вгрызлась в скалу, окружая не просто рвом, а широченным каналом, сейчас заполненным жидким пламенем. Природное волшебство стихий вырвалось на свободу.

Конан невольно покосился на Аделарда. Конечно, старик никогда не создал бы заклинание подобной силы, но сумел использовать могущество сгинувшего во мгле веков гиперборейца, всего-навсего купив у собирателя древностей магический свиток! Будь у алхимики чуть больше знаний и опыта, но запросто мог бы снести Райдор до основания. Ну да, за Аделардом глаз да глаз нужен, а подобные манускрипты нельзя продавать сумасшедшим!

Людям показалось, что буйство огня продолжалось очень долго, хотя заклятие четырех стихий действовало всего несколько мгновений. Как только пламя начало меркнуть, в действие вступил Дух Реки и наглядно доказал, что списывать со счетов седую древность пока рановато.

Стихия воды не менее разрушительна, чем стихия огня — недаром говорят о капле, точащей камень.

Послышался глухой рокот, напоминающий шум морского прибоя, киммерийцу даже показалось, что он вновь очутился где-нибудь в Зингаре или на Барахас.

Вначале посреди реки образовался бурлящий водоворот, затем со стороны гор пришла огромная волна, едва не снесшая мост через Быстротечную, расположенный всего в полулиге к Полunoчи.

Водоворот заместился огромным водным куполом, вспухшим над рекой, внутри него зажглось тревожное синеватое пламя, а затем огромная масса воды накрыла холм. Почва под ногами людей вновь содрогнулась, охотников окатило брызгами.

Конан ощущал, как амулет Стражи дважды ударил в грудь и начал постепенно успокаиваться.

Серебро уже не было ледяным, а просто холодным.

— Ну и таарам мы устроили, — Гвайнард вытер рукавом мокре лицо. — Перебудили весь город, зарево наверняка видели даже в Пограничье и Полunoчной Немедии! Как прикажете объясняться с Атрогом?

— Придумаешь что-нибудь, — отмахнулся Рэльгонн и вновь посмотрел в сторону восхода. Небо начало окрашиваться в золотисто-багровые краски. — Очень скоро я буду вынужден уйти, а поэтому следует взглянуть, насколько успешно мы справились с делом. Подождите недолго!

Упырь переместился через Ничто и вернулся на берег спустя четверть квадранса, улыбаясь во всю ширь своей зубастой пасти.

— Поздравляю! У нас все получилось! Говорил ведь: не стоит себя недооценивать! Вы, люди, способны вывернуться из самого сложного и безвыходного положения, стоит как следует подумать и отыскать путь к победе. Старый замок окружен водой со всех сторон, Быстротечная разделилась на два рукава огибающих новый остров — слово «ров» сейчас кажется мне неуместным. Голодный Посланник не сообразил, что происходит и оказался заперт в своем логове.

— Я всегда помнил о невероятной ограниченности и недальновидности Первозданного

Зла, — важно изрек алхимик, про которого на радостях все позабыли. Старик попытался приобрести величественно-надменный вид и явно считал себя главным героем событий уходящей ночи. — Я не требую награды месьора. Настоящие великие маги трудятся бескорыстно, только во благо находящихся под их покровительством смертных!

«Не требуешь? — подумал Конан. — Вот и отлично! Герцог и без того осыпает тебя золотым дождем, хотя давным-давно должен был выпороть придворного мага плетью на рыночной площади Райдора!»

* * *

— Полагаю, этого будет достаточно, — его светлость Варт Райдорский указал на дюжину тяжелых кожаных мешочков, лежащих на столе. — Половина в золотых немедийских ауреях, вторая — серебром и драгоценными камнями. Я счел необходимым устроить награду.

«Всего лишь устроить? — киммериец мысленно сплюнул. — А говорил — озолочу!»

Впрочем, Конан зря жаловался самому себе на скучность герцога. Сумма получилась очень внушительная, не меньше годового дохода от среднего баронства. Не «сфинкс», конечно, но жить можно — варвар уже прикидывал, во сколько обойдется праздничный вечер в «Синей розочке», единственном на весь Райдор веселом доме.

— Признаться, нам едва удалось избежать паники в городе, — хмыкнул Атрог, так же приглашенный на разговор в покоях светлейшего. — Столб огня над лесом, грохот, землетрясение — Я подозревал, что магические поединки могут привлечь к себе внимание посторонних, однако получилось излишне шумно.

— Наши извинения, — криво усмехнулся Гвайнард.

— Во-первых, никто не пострадал. Во-вторых, Голодный Посланник уже четыре дня как не появлялся за пределами старого замка, а следовательно наш расчет оказался верен: текущую воду нечистой силе не преодолеть. Мы нарочно провели одну ночь на берегу, наблюдая за развалинами — чудовище пыталось вырваться с острова, но река его не пропускала.

— Очень жаль, что убить молберана не получилось, — вздохнул герцог. — Придется завещать наследникам присматривать за Черным холмом и под страхом смерти запретить подданным плавать на остров. Через сорок одну зиму мне будет восемьдесят, если доживу, сам понаблюдаю за окончанием этой истории. Вы уверены, что демон погибнет?

— Если он уморил голодом половину жителей Райдора и злосчастного Ландерика столько лет назад, почему бы не отплатить монстру той же монетой? — сказал Эйнар. — Не знаю, как много силы он получил этим летом и сможет ли протянуть до следующего пробуждения, но то, что однажды демон навсегда развоплотится, сомнению не подлежит. Надо лишь подождать.

— Одного не понимаю: какова была роль месьора Аделарда в этой истории? — Барт взглянул на поджавшего губы Атрога и снова перевел взгляд на охотников. — И откуда взялся двоеглавый дракон, напавший на замок? Это как-то взаимосвязано?

— Отчасти, — не краснея соврал Гвайнард. — Дракончик являлся порождением магии четырех стихий, Алого волшебства Равновесия — скорее всего он был создан

гиперборейцами, сбежал от хозяина и прилетел к нам, в Райдор.

Мы зверя поймали и привезли в замок, его увидел Аделард и сразу понял, что дракончик может оказаться полезен — алхимик пробудил дремлющую в нем магию... Остальное вы знаете. Так что, месьор Атрог, тебе придется мириться с магом.

— Мириться? — взвился Охранитель короны. — Благодарю покорно! Я обещал впредь не обращать внимания на выходки старого идиота и только!

Хорошо, вы меня убедили: иногда Аделард может принести определенную пользу, но это происходит слишком редко. Нет, не так — маг оказался полезен один-единственный раз на моей памяти! Мы разоримся, если и впредь будем потакать прихотям этого олуха!

— Атрог, прекрати считать мои деньги, — поморщился светлейший. — И представь себе, какие серьезные неприятности могли ожидать Райдор, не окажись в замке придворного мага! Он очень помог месьору Гвайнарду и его отряду, Ночные Стражи сами это признают!

— И теперь алхимик ходит по двору задрав нос выше донжона, кичась своими заслугами перед конюхами, поварятами и прачками, — Атрог позволил себе улыбнуться. — Хорошо, пускай живет, я больше не стану требовать его изгнания и...

Внезапно послышался громкий хлопок, треск ломающихся досок и в открытые окна потянуло зловонным дымом, пахнущим серой и земляной смолой.

Со двора донеслись изумленные возгласы, а затем и крики о помощи.

Киммериец в один прыжок очутился возле узкого оконного проема, выглянул наружу и непринужденно пропел под нос несколько строк из старой пиратской песенки о пожаре на корабле.

Разумеется, горела лаборатория мэтра Аделарда, а привычная прислуга уже начала таскать воду из бочек.

— Я его убью! — взревел Атрог. — Убью собственными руками! Зарежу, как свинью на бойне!

Охотники обменялись понимающими взглядами.

— Полагаю, нам следует вмешаться, — тихо сказала Асгерд. — Иначе Аделарду и впрямь не сносить головы...